

Тетради по консерватизму

[№ 1 2022 г.]

Москва
Некоммерческий фонд – Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ)
2022

Борьба элит и журналистика в России эпохи нациестроительства

В XIX столетии происходит важный перелом в сознании русского общества: формируются представления о нации, национальной культуре, национальных интересах, то есть развивается то, что позднее назовут национальным сознанием, а весь этот процесс в целом мы сегодня именуем нациестроительством. Начало его в нашей стране обычно связывают с 1830–1840-ми годами, с распространением идей эпохи Романтизма, когда в публичной сфере возникают споры о «народности», о России и ее историческом своеобразии, ее отношениях с европейскими странами и месте в мире. Новые идеи постепенно вытесняли представления прошлой эпохи, эпохи Просвещения, с характерным для нее космополитическим сознанием.

Примечательно, что борьба этих идей в искусстве и литературе XIX века давно признана и исследуется, а противоборство представлений двух разных эпох в общественно-политической сфере мы зачастую и не ожидаем увидеть. То же самое относится и к журналистике как отражению общественно-политической сферы. И потому здесь будет представлен обзор хотя бы некоторых этапов и эпизодов журнальных столкновений, в которых проявились конфликты национально ориентированных и космополитических сил, составлявших окружение российского императора.

I

Однако первый конфликт «патриотов» и «европейцев» внутри российской элиты произошел за десятилетие-полтора до появления у нас идей Романтизма даже в их литературном оформлении (а в общественно-политическую мысль они проникли еще на десятилетие позже). Речь идет о придворных группировках, действовавших вокруг великой княгини Екатерины Павловны и государственного секретаря М.М. Сперанского. Про первую, противницу конституции и иных западных заимствований, А. де Коленкур писал: «Она старается быть более русской, чем ее семья, или по вкусам, или по обычаям» [1, с. 6]. Второй известен как поборник идей философов-просветителей, апологет конституционной монархии, стремившийся внедрить в русскую жизнь Кодекс Наполеона и другие европейские новшества. Характерно, что в борьбе со Сперанским великая княгиня искала себе в союзники не журналистов, а идеологов – таких как Н.М. Карамзин и граф Ф.В. Ростопчин. Условия, в которых протекала борьба, предполагали влияние не на общественное мнение, а на одного-единственного человека, ее родного брата, государя Александра Павловича. Как известно, Екатерина Павловна выиграла. Сперанский был смещен и оправлен в ссылку, а задуманные им нововведения не состоялись.

Бадалян Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела книговедения Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), доцент Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: dmit.bad@gmail.com

Если начало формирования национального сознания у общества и части элиты в России связаны с 1830-ми годами, то что же собой представляла русская журналистика до этого? Лучше всего это демонстрирует положение, сложившееся во время Отечественной войны 1812 года. В условиях борьбы с наполеоновской Францией, имеющей отлаженный механизм пропаганды, Российское государство озаботилось организацией собственной системы патриотической прессы. Такая роль была во многом возложена на попечителя Санкт-Петербургского учебного округа С.С. Уварова, который стимулировал создание ряда частных периодических изданий, предназначенных для ведения антинаполеоновской пропаганды на русском и немецком языках. Ими стали: «Сын Отечества» Н.И. Греча, «Der Patriot» («Патриот») Ф.-Э. фон Шрёдера, «Der Russische Invalide» П.В. фон Помиана де Пезаровиуса и его русскоязычная версия – «Русский инвалид» [2, с. 87–91; 3, с. 142–143]. Уваров же в 1813 году стал неофициальным соредактором и одним из авторов газеты на французском языке «Conservateur impartial» («Беспристрастный консерватор»), издававшейся на средства Министерства иностранных дел под официальным руководством Г.Т. фон Фабера [2, с. 89–90; 3, с. 143; 4, с. 630–655].

Итак, из этих пяти изданий три выходили на иностранных языках, и изначально все их редактировали российские подданные немецкого происхождения. Добавим еще четыре газеты, которые издавались за пределами столицы и активно участвовали в ведении антинаполеоновской пропаганды. Во-первых, это «Moskowsische Zeitung» («Московская газета»), которая до конца августа 1812 года выходила в Первопрестольной [2, с. 85; 3, с. 142]. Затем – «Der Russe» («Россиянин»), выпущенная в полевой типографии 1-й Западной армии на русском и немецком языках (параллельно) В.Э. Рамбахом и А.С. Кайсаровым. В-третьих, печатаемая Г.Г. Меркелем в Риге газета «Der Zuschauer» («Зритель»)¹. И, наконец, «Russische-deutsches Volksblatt» («Русско-немецкий народный листок»), которая в 1813 году печаталась в Берлине А. фон Коцебу.

Выходит, в решительный момент власть прекрасно понимала значение прессы как важнейшего инструмента пропаганды, но не нашла никого лучше немцев, чтобы учить русских любви к отечеству?! И для того оказывала издателям из немцев необходимую материальную поддержку?! Исключение из этого ряда – журнал «Русский вестник» – возник по личной инициативе С.Н. Глинки в 1808 году, на первой волне антифранцузских настроений. Причем в первые год-полтора он не отличался воинственными высказываниями. А между тем еще в 1806–1807 годах в России было издано значительное число патриотических сочинений. И, как заметил А.В. Предтеченский, «Вначале это были переделки или переводы с немецкого. Ярко выраженное антифранцузское направление их встречало широкий отклик в дворянской массе, и некоторые из переводов печатались одновременно в 2–3 изданиях» [6, с. 121].

Надо признать, приведенные факты лишь упрочивают звучащие в последнее время суждения о том, что 1812 год не только вызвал небывалый патриотический подъем, способствовал развитию национального самосознания, но и «породил русскую нацию» [7]. Мы еще не в полной мере оценили масштаб произошедших тогда перемен, а точнее – тот чрезвычайно скромный уровень самосознания, с которого этим переменам предстояло развиваться в первые послевоенные десятилетия.

¹ Статьи этого издания были адресованы не только остзейским немцам, но также солдатам и офицерам прусского вспомогательного корпуса, входившего в состав французской «Великой армии». Меркель же подготовил ряд напечатанных по-немецки воззваний, а также перевел на немецкий язык французскую брошюру С.С. Уварова «Éloge funèbre du general Moreau» («Надгробное слово генералу Моро»). В данном случае важно подчеркнуть: некоторые из его воззваний увидели свет в русском переводе отдельными изданиями, а также в журналах «Вестник Европы» и «Сын отечества» [5, с. 324].

Нельзя сказать, что сразу после этой войны ментальность российской элиты существенно изменилась и она утратила интерес к каким-либо космополитическим идеям. Отнюдь нет. Она, к примеру, живо поддерживала внедрение институтов, которые распространяли дух интерконфессионального мистицизма. Будь то объединившее едва ли не всю столичную аристократию Российское библейское общество или задуманные для обучения и воспитания низших слоев ланкастерские школы¹. И то, и другое, разумеется, с санкции императора, внедрялось усилиями Министерства духовных дел и народного просвещения, которое возглавлял князь А.Н. Голицын. И то, и другое, пропагандировали через созданную ранее при поддержке Сперанского официальную газету Министерства внутренних дел «Северная почта» и частные издания, из которых едва ли не самым популярным был «Сын отечества» [8, с. 17–19].

Уже в 1820-х годах ангажированными Голицыным журналистами стали Ф.В. Булгарин, Н.И. Греч, А.А. Бестужев и К.Ф. Рылеев. Последний сочинил эпиграмму, которая увидела свет в декабре 1820 года в журнале «Невский зритель»:

Не диво, что Вралев так много пишет вздору,
Когда он хочет быть *Плутархом* в нашу пору [9, с. 240].

Так «поэт-гражданин» отзывался о Карамзине и его исторических трудах. Делалось это в угоду недругу русского историографа князю Голицыну. Однако гораздо большую услугу министру Рылеев оказал публикацией в том же номере журнала своей сатиры «К временщику», как известно, направленной против графа А.А. Аракчеева, начальника Отдельного корпуса военных поселений. По мнению А.Г. Готовцевой и О.И. Киянской, поэт и издатели журнала «исполняли политический заказ, исходивший непосредственно от Голицына» [10, с. 123]. Именно поэтому столь оскорбительная для влиятельной политической персоны выходка не была остановлена цензурой и не вызвала никаких последствий для автора и издателей журнала. Голицын же благодаря распространению сатиры Рылеева нанес пусть и временный ущерб репутации единственного равного ему по положению противника.

Впрочем, менее чем через три года Аракчееву и его союзникам удалось убедить Александра I отказаться от пути, который прокладывал министр. Но при этом всемогущий граф обошелся без помощи печати. Наоборот, он сумел показать, что Голицын употребляет ее во зло, содействуя столь вредным изданиям как перевод книги И.Е. Госснера «Дух жизни и учения Иисус Христов в Новом завете», напечатанной в типографии Греча. Автор ее – известный немецкий проповедник – с 1820 года жил в России, занимая должность директора Российского библейского общества, а президентом этого общества являлся Голицын.

Были ли журналисты, которые поддерживали Аракчеева? Сегодня мы можем назвать только одного П.П. Свинына, издателя журнала «Отечественные записки» [11, 12]. Поэтому в 1823 году против него была развернута травля, начатая Булгариным в издаваемых им «Литературных листках» и подхваченная несколькими изданиями, включая журнал А.Е. Измайлова «Благонамеренный» [10, с. 172–173]. По воспоминаниям С.Н. Глинки, граф М.А. Милорадович (который, как отметил мемуарист, «раболепствовал перед Аракчеевым»), готовясь принять должность столичного генерал-губернатора, заявил о намерении вступить в борьбу с Голицыным, но не исполнил его. Позднее, в феврале и августе

¹ Создание таких школ означало попытку устройства системы низшего образования, организованного по указаниям квакеров и англикан (впервые ланкастерская система была применена в Индии англиканским священником Эндрю Беллом) [см. 8, с. 13]. Добавим к тому интерес, проявленный Александром I и князем А.Н. Голицыным к швейцарскому Институту Ф.Э. Феленберга, который, как подчеркивает А.А. Орлов, был известен строгим религиозным воспитанием [8, с. 17]. Разумеется, не православным.

1825 года, он, если верить С.Н. Глинке, дважды пытался использовать его перо в своих целях (второй раз – против Булгарина и Греча). Однако Глинка сумел уклониться от этого [13, с. 395, 398, 400–404].

Можно ли считать, что в борьбе с Голицыным Аракчеев руководствовался национальными интересами, а не одними властными амбициями? В 1812 году в ответ на рассуждения о том, что в интересах отечества Александру I необходимо покинуть действующую армию, он заявил: «Что мне до отечества! Скажите мне, не в опасности ли государь, оставаясь при армии» [14, с. 385]. Тем самым он проявил мировоззрение, вполне свойственное человеку эпохи Просвещения. Ведь и иностранцы или остзейские немцы верно служили, но не России, а российскому императору, как и их предки своему сюзеру.

Изменилось ли что-либо в мировоззрении Аракчеева за минувшее с 1812 года время – остается вопросом для исследования. Пока мы лишь можем констатировать: в 1823 году, путем интриг избавившись от своего противника князя П.М. Волконского и его союзников, Аракчеев продвинул на их должности лояльных ему ставленников придворной «немецкой партии». Тогда начальником Главного штаба вместо Волконского стал граф И.И. Дибич, министром внутренних дел – Б.Б. фон Компенгаузен, министром финансов – граф Е.Ф. Канкрин, а место министра иностранных дел сумел сохранить за собой граф К.В. Нессельроде (зять противника Аракчеева, графа Д.А. Гурьева) [15, с. 38].

Как обстояли дела у других покровительствуемых Голицыным журналистов? Первым русским изданием Булгарина являлся «Северный архив», который он выпускал с начала 1822 года. Уже к тому моменту он приобрел надежные связи в Министерстве духовных дел и народного просвещения, а спустя год стал обсуждать план слияния своего издания и «Журнала Департамента народного просвещения». И министр поддержал, но не успел осуществить проект обновленного журнала, который по-прежнему должен был называться «Северный архив» и являться собственностью Булгарина. «Естественно, – подчеркивают А.Г. Готовцева и О.И. Киянская, – пока шли переговоры, Булгарин был не просто лояльным, а суперлояльным к Голицыну журналистом» [10, с. 149]. Примером тому – заказанная им польскому историку (а в будущем революционеру) И. Лелевелю критика «Истории государства Российского» Карамзина [10, с. 149].

Добавим также, что «Полярная звезда», самый известный альманах пушкинской эпохи, который издавал А.А. Бестужев при участии Рылеева, имел своего рода неофициального куратора – А.И. Тургенева, служившего директором Департамента духовных дел в министерстве Голицына. Через него, как полагают А.Г. Готовцева и О.И. Киянская, альманаху оказывалась «информационная и цензурная поддержка» [10, с. 182]. И с этим связан скрытый намек П.А. Вяземского, который по поводу «Полярной звезды на 1824 год» писал А.А. Бестужеву: если «малому числу избранных» не поддерживать «достоинство писателя», то литература «сделается какою-то казенною службою, полицейским штатом или и того хуже – каким-то отделением Министерства просвещения» [16, с. 324; 10, с. 182]. Однако А.Г. Готовцева и О.И. Киянская, считают, что, создавая этот альманах будущий декабрист Бестужев ставил перед собой (и блестяще решил) задачу, противоположную взглядам Вяземского: «Из разрозненных писательских группировок, разделенных и эстетическими и политическими пристрастиями, а зачастую и личной враждой, предстояло создать единое литературное пространство и – шире – культурное поле, подконтрольное министру просвещения» [10, с. 191].

II

В результате деятельности Аракчеева и его союзников Голицын 15 мая 1824 года вышел в отставку. И в тот же день министром народного просвещения стал А.С. Шишков.

За этим назначением последовала не только реорганизация министерства, из которого был выведен Департамент духовных дел, но и радикальная смена курса. Деятельность Библейского общества была ограничена, а позднее и вовсе прекращена. Разработан и в июне 1826 года вступил в действие новый цензурный устав, запрещавший сочинения, противные христианской вере и «правилам христианской нравственности», содержащие взаимное порицание христианских исповеданий, а также учения «тайных обществ, обнаруживающиеся обыкновенно эмблемами и преданиями» (под таковыми в первую очередь подразумевались масонские ложи, запрещенные в 1822 году). В сфере образования Шишков впервые стал внедрять представления о национальной культуре.

Как отреагировали на эти изменения журналисты?

В мае 1824 года, сразу после смены министра, Булгарин обратился к Шишкову с прошением об объединении «Северного архива» и «Сына отечества». Прошение его удовлетворили, но не сразу. Для этого Булгарину пришлось отправиться «инстанцией выше»: в августе того же года он ездил к Аракчееву в его усадьбу Грузино. И уже весной 1825 года А.Е. Измайлов рассказывал в одном из писем: «Булгарин и Греч помирились со Свиньиным. Видели многие, как первый с последним прогуливались под ручку по тротуару. И как же не помириться? Свиньин в милости теперь у мин<истра> просв<ещения>» [17, с. 172–173]. Как отмечают А.Г. Готовцева и О.И. Киянская, «Булгаринские издания в 1825 году стали активно поддерживать и самого Свиньиного, и его «Отечественные записки»» [10, с. 174].

В середине 1824 года протее Свиньиного, Н.А. Полевой, направил Шишкову прошение об издании «нового повременного сочинения». В первом же абзаце программы задуманного им журнала «Московский телеграф» будущий издатель вставил цитату о просвещении и связи его с «полезными знаниями и науками» из выступления Шишкова в «Беседе любителей русского слова». Далее же он заявил целью журнала «упражнения умственные», утверждающие «веру в Бога, любовь к отечеству, верность к избранному Богом монарху нашему». Все это вместе с «просвещением народным», о котором несколькими строками выше рассуждал Полевой, выглядит сегодня как черновой эскиз будущей знаменитой триады «Православие. Самодержавие. Народность» [18, с. 372], а в описании задуманного журнала его издатель не скупился на упоминания России и русских в разных сочетаниях: «сердцу русскому», «русских памятников», «ученых обществ русских» и т.д. [18, с. 372, 374, 376]. Идея «Московского телеграфа» была поддержана перед Шишковым графом Н.С. Мордвиновым, уверявшим его, что Полевой – выходец из народа, коренной русский человек [18, с. 381].

Шишков, который и прежде имел немало высокопоставленных противников, на министерском поприще нажил себе еще больше врагов. Уже в 1827 году по распоряжению нового императора начала работу комиссия по пересмотру устава о цензуре. Составляли ее: А.Х. Бенкендорф, И.В. Васильчиков, Д.В. Дашков, В.С. Ланской, К.В. Нессельроде и С.С. Уваров, а в числе чиновников, участвовавших в подготовке текста нового устава, был коллежский советник Греч.

Булгарин в это время уже числился на службе по Министерству народного просвещения и на правах родственника жены Шишкова, Ю.О. Лобаржевской, бывал в доме министра, а после доносил в III отделение, что тот пишет «филиппики» против комиссии по составлению цензурного устава [19, с. 156]. Приблизительно в то же время, в марте 1827 года, Булгарин сообщил управляющему III отделением М.Я. фон Фоку: «Ныне уже стали явно говорить о существовании партии, желающей восстановления иезуитов в России! Главные начальники сей партии: генерал Карбониер¹ и Шишков (министр), чрез

¹ Карбоньер д'Арсит Лев Львович (Карбонье Луи Бартоломей, 1770–1836) – российский военный инженер французского происхождения, родился в Петербурге, с 1810 года генерал-майор при Адмиралтействе, с 1 августа 1826 года по 1 декабря 1828 года – председатель Главного цензурного комитета.

влияние жены» [19, с. 148]. Несомненно, такие инвективы имели целью максимально дискредитировать министра и подконтрольное ему цензурное ведомство. Ведь деятельность иезуитов в России была запрещена еще Александром I.

Проект устава, который готовили при поддержке Бенкендорфа, Нессельроде и Уварова, предполагал большую свободу для литераторов и журналистов, и к тому же в нем впервые в России было закреплено представление об авторском праве. Однако уже ближайšie годы показали, что либеральный закон – не гарантия либеральных мер на практике¹.

22 апреля 1828 года проект нового, подготовленного без участия Шишкова, цензурного устава был утвержден Николаем I, и на следующий же день министр подал в отставку. Уже через день, 25 апреля, на его место был назначен светлейший князь К.А. Ливен, в недавнем прошлом старшина Российского библейского общества. Судя по чрезвычайной краткости периодов, которые разделяют эти события, ни уход первого, ни назначение второго для придворной верхушки не были неожиданностью².

Смена министров произошла, как и прежде, в результате одних лишь придворных интриг, без какой-либо борьбы в прессе. Однако она не могла не повлиять на расстановку сил в периодической печати.

Само это событие явилось результатом столкновения национально ориентированных и космополитических сил, которые в ту эпоху часто связывают с «немецкой партией». Характерно, что ни один историк не попытался представить объяснений произошедшему более, чем это сделал С.В. Рождественский в официальной истории Министерства народного просвещения: «Когда в 1827 году министр внутренних дел, В.С. Ланской, приступил к составлению нового устава для цензуры иностранных книг и испрашивал разрешение отступить от правил устава 1826 года, то Государь повелел не только не держаться этого устава, но и подвергнуть его подробному пересмотру» [21, с. 217].

Что же произошло после июня 1826 года, если император разрешил изменить, а точнее – заменить только что введенный в действие закон? Ответ на этот вопрос следует искать в произошедшем в июле 1826 года учреждении III отделения.

Уже в августе-сентябре того же года фон Фок в переписке с главным начальником III отделения А.Х. Бенкендорфом, объясняя тому действие общественного мнения и возможности влияния на него, утверждал: «Литераторы, эти провозвестники мнений, люди, пользующиеся в настоящее время влиянием больше, чем когда-либо, говорят, что новый цензурный устав закрывает им рот; общество вторит им, замечая, что так как новым уставом не дается даже авторам гарантия, определенная законами, то положение их становится подчас очень незавидным. Кроме того, прибавляют некоторые, так как ответственность продолжает лежать на писателях даже после того, что сочинение пройдет через горнило цензуры, то совершенно лишнее иметь цензоров. Далее, к чему было издавать закон, который всеми читается и комментируется всюду даже на рынках?» [22, с. 36].

Вступление Бенкендорфа в борьбу с шишковским уставом предопределили несколько факторов. Главный – соперничество разных придворных партий, борющихся за сферы влияния, а литература и журналистика являлись одной из таких сфер. Помимо этого – личные амбиции и, вероятно, то, что в этой борьбе начальника III отделения поддерживал и

¹ Через два с половиной года, 30 декабря 1830-го, А.В. Никитенко записал в дневнике: «Цензурный устав совсем ниспровержен. <...> Умы более и более развращаются, видя, как нарушаются законы теми самими, которые их составляют, как быстро одни законы сменяются другими и т.д.» [20, с. 95].

² Еще в конце октября 1827 года Булгарин сообщил в III отделение, что в день отставки министра юстиции кн. Д.И. Лобанова-Ростовского «разнесся слух, якобы Шишков вышел в отставку и место его заступил князь Ливен». И вслед за тем добавил: «Русским это не по сердцу. Крик противу немцев» [19, с. 221].

направлял фон Фок, который знал как обращаться с общественным мнением. Известно, что Бенкендорф относился к своим обязанностям без излишнего рвения и охотно передоверял управляющему занятию текущими делами.

В середине мая 1826 года, еще до учреждения III отделения и утверждения цензурного устава, Булгарин подготовил записку «О цензуре в России и о книгопечатании вообще», которую направил начальнику Главного штаба И.И. Дибичу, а тот передал ее императору. Записка эта не только содержала критику деятельности Министерства народного просвещения, но и предлагала меры по изменению организации цензуры (тем самым журналист выступал против министра, покровительством которого он недавно заручился). В частности, Булгарин считал нужным вывести из подчинения ведомству Шишкова цензуру драматических произведений и периодических изданий, с тем чтобы поручить ее Министерству внутренних дел или высшей полиции. Свое предложение он объяснял таким образом: «Это потому, что театральные пьесы и журналы, имея обширный круг зрителей или читателей, скорее и сильнее действуют на умы и на общее мнение. И как высшей полиции должно знать общее мнение и направлять умы по произволу правительства, то оно же и должно иметь в руках своих служащие к сему орудия» [19, с. 52].

В записке «О цензуре в России...» Булгарин предлагал не бороться с общественным мнением, а манипулировать им в интересах власти. Очевидно, летом 1826 года фон Фок уже ознакомился с ее содержанием и опирался на почерпнутые в ней идеи, когда разъяснял Бенкендорфу: «...общественное мнение не засадишь в тюрьму, а прижимая его – только доведешь до ожесточения» [19, с. 36].

Начальник III отделения внял советам Булгарина и фон Фока и повел последовательную борьбу с министром народного просвещения. Когда в ноябре 1827 года цензура не разрешила публикацию стихотворения И.Н. Анненкова «Война в Персии» в журнале «Сын отечества», Бенкендорф вмешался в это дело. В споре с Шишковым он не только отстаивал интересы покровительствуемых им журналистов (то есть Булгарина и Греча), но и утвердил за своим ведомством, говоря современным языком, новую «зону ответственности»: формально – право контролировать «все стихи, присылаемые нашими офицерами к г. Булгарину, для помещения в издаваемых им журналах» [22, с. 42]; а по сути – вторгаться в сферу деятельности цензуры. Именно к этому склонял его Булгарин, когда жаловался, во-первых, на цензора: «Он объявил, что не признает власти генерала Бенкендорфа»¹, – и, во-вторых, на цензурный комитет: «Если все присутственные места станут таким образом поступать небрежно, где употреблено имя Вашего Превосходительства, то от сего может последовать большой вред службе» [19, с. 225–226]. Стремление цензора И.Я. Ветринского и цензурного комитета запретить публикацию вызвано было, вероятно, тем, что Булгарин подчеркивал: стихи уже одобрены к печати Бенкендорфом [19, с. 225]. Это было прямым посягательством на власть цензуры.

Следующим полем для борьбы с Шишковым явился первый же годовой отчет III отделения, который именовался «Краткий обзор общественного мнения в 1827 году». В нем молодому императору внушались мысли об опасности, исходящей трону от «русских патриотов». Например, утверждалось: «Недовольные разделяются на две группы. Первая состоит из так называемых русских патриотов, столпом коих является Мордвинов. <...> Партия русских патриотов очень сильна числом своих приверженцев. Центр их находится в Москве. <...> Там они критикуют все шаги правительства, выбор всех лиц, там раздается ропот на немцев <...>. Это самая опасная часть общества. За которой надлежит иметь

¹ Первоначально стихи Анненкова поступили к цензору И.Я. Ветринскому, бывшему профессору Санкт-Петербургской Духовной академии. «Воспитанник знаменитого Фотия», – писал о нем Булгарин Бенкендорфу, имея в виду противника Голицына архимандрита Фотия (Спаского) [19, с. 225].

постоянное и, возможно, более тщательное наблюдение» [23, с. 19]¹. Подчеркнем, что при этом III отделение убеждало императора в абсолютной преданности ему остзейских немцев [23, с. 25–26].

И хотя в том же обзоре говорилось, что литераторы «настроены превосходно», но сказано это было именно для того, чтобы подчеркнуть: «все они единодушно жалуются на полную бездеятельность Министерства народного просвещения. Они говорят, что ни одно из провозглашенных при восшествии на престол предначертаний Государя Императора касательно воспитания не было выполнено, что комитет, образованный для выработки начальных пособий и преобразования школ, состоит из неспособных теоретиков или наполненных предрассудками педантов. Ни один из видных литераторов не был привлечен министерством к этому делу. За два года не составлено ни одного начального учебника, даже обещанной азбуки. Везде полный застой. Литераторы жалуются также на то, что все литературные общества были закрыты в Петербурге, между тем как они продолжают существовать в Москве, Харькове, Казани, Риге, Митаве и т.д. Как будто бы, – говорят они, – музам нет места вблизи трона. Известие о новом цензурном уставе произвело на ученых и литераторов в высшей степени благоприятное впечатление. Этот класс общества вообще имеет заметное влияние на общественное мнение» [23, с. 22]. Из этого видно, что еще до утверждения императором нового цензурного устава III отделение лоббировало его как ожидаемого всеми литераторами и активно стремилось дискредитировать деятельность Шишкова на посту министра народного просвещения.

В итоге уже в 1828 году Бенкендорф добился важной победы: довел дело до отставки Шишкова. Вероятно, это была главная цель, а изменение устава – скорее средство к тому. Однако при этом в новом уставе было полностью реализовано одно из предложений Булгарина: театральная цензура перешла в безоговорочное подчинение III отделению. Второе предложение, касающееся передачи ведомству Бенкендорфа контроля за периодическими изданиями, претворено в жизнь лишь отчасти (возможно, высшая полиция и не стремилась к большему). Сотрудники Министерства народного просвещения цензуровали всю прессу, а сотрудники III отделения, не будучи обязаны заниматься ею, всегда имели возможность судить о том, как цензоры справляются со своей работой.

Очевидно, для облегчения деятельности ведомства Бенкендорфа в конце 1831 года все цензурные комитеты обязали «по истечении каждого месяца» сообщать в III отделение «сведения о напечатанных и изданных в том месяце журналах и альманахах с означением, в каких типографиях они напечатаны» [24, с. 60].

III

В следующие пять лет после отставки Шишкова в придворных и правительственных кругах не появилось ни одного сановника, который не то чтобы действовал, а хотя бы рассуждал о национальных приоритетах, национальной культуре и стремился к развитию национального сознания. А вот космополитически мыслящие царедворцы как раз в это время нашли себе союзника в новом и чрезвычайно влиятельном ведомстве, то есть в III отделении, которое О.А. Проскурин более двадцати лет назад назвал «штабом» «немецкой партии» [25, с. 318].

Характерно, что термин «немецкая партия» появился в России не в XVIII столетии, когда российское общество и российские элиты чаще страдали от немецкого засилья, а порой боролись с ним. Он возник в эпоху Романтизма, когда русские дворяне волей-

¹ С такой же подозрительностью к «партии русских патриотов» и «русскому патриотизму» III отделение относилось и в следующих ежегодных отчетах. С «патриотами» оно связывало «зародыши якобинства, революционный и реформаторский дух» [23, с. 22; см.: с. 33, 38, 39, 43, 70, 73].

неволей начали задумываться о национальном своеобразии. В исторических источниках это выражение появляется с 1820-х годов и получает разные значения. Так нередко называли сообщества внутри какой-либо корпорации: офицеров, медиков, университетских профессоров, ученых и прочих. Безусловно, существовала мощная придворная «немецкая партия». Она, в частности, постоянно поддерживала и охраняла привилегии остзейских немцев. Одни немецкие сообщества налаживали связи с другими, в том числе и более влиятельными группировками или отдельными облеченными властью фигурами и, постоянно развивая эти связи, создавали сети патрон-клиентских отношений (аналогично тому, как это показано Д.Н. Копелевым на примере Российского императорского флота [26]). Все это сообщество в целом со временем тоже стали называть «немецкой партией», хотя оно могло включать в себя и приезжих иностранцев или поддерживавших его русских дворян. Всех их объединяло космополитическое мировоззрение. Представления о служении нации для таких «немцев» заменяла идея подданства, как, например, для Е.Ф. Канкрин, который подчеркивал: «Я министр финансов не России, а русского императора» [27, с. 7].

В интересах «немецкой партии» с самого начала своего учреждения действовало III отделение. Собственно, для этого было бы достаточно того, что во главе его стоял сын остзейского барона и уроженки Вюртемберга А.Х. Бенкендорф, а управляющим служил остзеец М.Я. фон Фок. Однако в первый же год деятельности этого ведомства штат его оказался наполовину составлен из немцев. Со временем он расширился, но присутствие немцев или иностранцев по происхождению долго держалось в нем в не меньших пропорциях, даже после того как в 1831 году фон Фок умер и на его место заступил А.Н. Мордвинов. Так, в 1833 году «иностранцы» занимали 10 штатных должностей из 20 [см. 28, с. 22; 29, с. 25–26].

Практически в первые же недели своего существования III отделение наладило патрон-клиентские отношения с Булгариным и Гречем, которые с 1825 года на пару издавали газету «Северная пчела» и журнал «Сын отечества». Не позднее 1829 года влияние III отделения распространилось и на журнал «Московский телеграф». В 1830 году фон Фок в черновике одного из обзоров рассказывал о его издателе Н.А. Полевом: «...взятый на замечание, после нескольких дней пребывания в Петербурге одумался и, вступив в дружеские отношения кое с кем из наших благонамеренных авторов, совершенно изменил тон. Он публично признался в этом в своем журнале, сказав, что Вяземский плохо влиял на него» [30, с. 488]. Добавим, однако, что еще в 1827 году Полевой, попытался было, помимо «Московского телеграфа», издавать газету «Компас» и журнал «Энциклопедическая летопись отечественной и иностранной литературы», и Шишков дал на них разрешение. Однако вскоре, под давлением Бенкендорфа, он был вынужден отменить уже принятое решение [18, с. 386]. Таким образом, Полевой увидел, что над журналистикой теперь властвует сила, с которой не может не считаться даже министр народного просвещения. Позднее, в 1830-х годах в клиентелу III отделения вошли ставшие вскоре известными журналисты О.И. Сенковский и А.А. Краевский.

Едва ли не общая особенность клиентов III отделения – они не только полемизировали с рассуждениями о народности и национальном искусстве, но и боролись с их апологетами, нападали на Карамзина, осмеивали труды Ю.И. Венелина и других исследователей славянства и самих славян¹, а немногим позже обрушились на созданную М.И. Глинкой первую национальную оперу. При этом до 1830-х годов в журналистике никакие сплоченные силы им не противостояли. Единственное исключение – недолгое время действовавшая «Литературная газета», которую выпускали А.А. Дельвиг и А.С. Пушкин, а среди авторов ее были князь Вяземский и князь В.Ф. Одоевский, – все вместе прозванные

¹ О.А. Проскурин писал: «На Россию немецкая партия смотрела примерно так же, как европейские немецкие дворы смотрели на подчиненное им славянское население, – как на опасную и враждебную “варварскую” стихию, движение которой надо постоянно сдерживать самыми жестокими мерами» [25, с. 318].

их врагами «аристократической партией». «Литературная газета» столкнулась не только с полемикой «Северной пчелы» и ее союзников, но и с обвинениями едва ли не в революционности, выдвинутыми III отделением против Дельвига. Это привело к его скорой смерти и закрытию издания [подробнее см. 31].

На подлинную причину преследования «Литературной газеты» указал в свое время А.И. Дельвиг. Двоюродный брат ее редактора, живший во время издания газеты у него в доме и посвященный во многие его дела, А.И. Дельвиг писал, что «при внимании, которое Бенкендорф обращал на издателя и основных сотрудников газеты, «он должен был знать о пламенной любви Дельвига ко всему русскому, о баснословной в наше время верноподданнической его преданности государю» [32, с. 99], но именно это делало его неблагонадежным в глазах шефа жандармов. А.И. Дельвиг подчеркивал, что Бенкендорф «как немецкий уроженец наших остзейских губерний, наверное, считал ненужным образовывать русский народ, созданный по понятиям немцев для того, чтобы быть управляемым ими. Вдруг оказывается кружок литераторов, в котором говорят преимущественно по-русски, который полагает возможную к достижению целью поставить русских на один уровень с другими европейскими народами, даже с немцами» [32, с. 101]. Такой кружок, продолжал Дельвиг чуть далее, «не мог, по понятиям Бенкендорфа, не быть вредным до того, что необходимо было искоренить его в самом начале ссылкой, как он выразился, в Сибирь Пушкина, Вяземского и Дельвига; последний в особенности должен был быть неприятен Бенкендорфу, так как ему было известно, что Дельвиг служил звеном, связывавшим весь этот кружок, и тем более, что, будучи немецкого происхождения, не должен был до такой степени обрусеть, чтобы заботиться только о русском обществе и народе, изменив чрез это своей великой национальности» [32, с. 102].

Как видим, III отделение не только поддерживало «своих» журналистов и «свои» издания, но и активно боролось с чужими. Причем делало это и с помощью ежегодно представляемых императору отчетов. Так, отчет за 1830 год описывал якобы существовавшие тогда среди молодежи «партии», которые включали в себя «многих пропитанных либеральными идеями, мечтающих о революциях и верящих в возможность конституционного правления в России». По уверениям III отделения, участники этих «партий», ради распространения своих идей, «стремятся овладеть общественным мнением и вступить в связь с военной молодежью» [23, с. 71]. Про одну из них сообщалось: «Кумиром этой партии является Пушкин, революционные стихи которого, как “Кинжал” (Занда), “Ода на вольность” и т.д. и т.д., переписываются и раздаются направо и налево. Приверженцы этих партий выдают за своего покровителя г. Жуковского, который, по их словам, дружен с гг. Блудовым и Дашковым и пользуется особым покровительством Е.И.В. Императрицы <...> некоторые члены этих партий присоединились к парижским революционерам» [23, с. 71–72].

Очевидно, III отделение стремилось создать впечатление деятельности организаций, аналогичных некогда разгромленным Северному и Южному обществам декабристов. Из того, что в отчете не сообщалось имен лидеров «партий» и конкретных примеров их деятельности, можно заключить: мифы о враждебных «партиях» преподносились императору не столько для борьбы с самими «партиями», сколько для компрометации отдельных неугодных ведомству Бенкендорфа литераторов и сановников. Если невозможно было представить доказательства связи тех и других с опасными смутьянами, то легко – сообщить слухи о кумирах и покровителях этих «партий». Нельзя сказать, что Николай I принимал на веру все эти обвинения, но хотя бы отчасти цели III отделения были достигнуты, так как император нередко с подозрительностью относился к словам и ходатайствам А.С. Пушкина, князя П.А. Вяземского и даже В.А. Жуковского.

В 1815 году В.А. Жуковский стал чтецом у вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Затем, в 1817 году, он был назначен преподавателем русского языка и словесности к великой княгине (впоследствии императрице) Александре Федоровне, а с 1826 года в

течение 15 лет являлся воспитателем или, на официальном языке, наставником ее сына, наследника цесаревича Александра Николаевича, будущего Александра II.

Воспитатели царских детей в силу своего статуса приобретали, а затем преумножали прочные, весьма влиятельные связи в придворной сфере (а иногда и в самой императорской семье). Они имели возможность обеспечить многолетнее привилегированное положение своим близким и своему окружению. При этом с XVIII века многие десятилетия на должности воспитателей великих князей и княжон приглашали остзейцев или иностранцев. Так, с 1783 года воспитательницей великих княжон, внучек Екатерины II, была назначена баронесса (с 1799 – графиня, с 1826 – светлейшая княгиня) Ш.К. фон Ливен. Она оказывала влияние и на воспитание великих князей – будущего Николая I и Михаила Павловича. Один ее сын, генерал от инфантерии К.А. фон Ливен, в 1828 году стал министром народного просвещения, другой – Х.А. фон Ливен, женатый на сестре Бенкендорфа, Дарье, служил послом в Великобритании (во время недолгого пребывания в России Д.Х. фон Ливен также была удостоена должности воспитательницы царских детей).

Благодаря Ш.К. фон Ливен наставницей великих князей Николая и Константина была назначена Ю.Ф. фон Адлерберг. Дочь последней, Ю.Ф. Баранова, в 1818 году стала главной воспитательницей наследника престола великого князя Александра Николаевича, а затем занималась воспитанием великих княжон Марии, Ольги и Александры Николаевн. В 1846 году она получила графский титул. Брат Барановой, В.Ф. фон Адлерберг, с детства являлся товарищем великого князя Николая Павловича, впоследствии сопровождал его во всех путешествиях, исполняя обязанности секретаря. Император Николай I назначил его своим душеприказчиком, а в 1852 году – министром Императорского двора. Его сын, А.В. фон Адлерберг, в свою очередь стал товарищем детства, а затем – доверенным лицом и душеприказчиком Александра II. В 1870 году он сменил своего престарелого отца на посту министра Императорского двора. В итоге семья Адлербергов находилась при дворе 84 года: с 1797 по 1881 год.

В 1800–1817 годах воспитателем великих князей Николая и Михаила Павловичей являлся М.И. Ламсдорф, впоследствии граф и член Государственного совета. Нельзя сказать, что он обеспечил своей семье столь же влиятельное положение, какое сумели занять Адлерберги, но трое его сыновей получили генеральские чины. Так же были отмечены и некоторые его внуки, из которых более всего известен граф В.Н. Ламсдорф, в 1900–1906 годах являвшийся министром иностранных дел.

Жуковский рядом с Ливенами, Адлербергами и Ламсдорфами, представлял собой совершенно особое явление. В отличие от остзейцев он не имел притязаний на графские и иные титулы, не создавал вокруг себя сети патрон-клиентских отношений, но при этом поддерживал нуждающихся в помощи, а случалось – защищал от ложных обвинений таких людей как А.С. Пушкин, П.А. Вяземский И.В. Киреевский или Н.И. Тургенев.

Влияние, которое Жуковский имел при дворе, а еще более – которое потенциально мог приобрести и использовать для поддержки русских литераторов, внушало серьезные опасения Булгарину и его окружению. Редактор «Северной пчелы» не только не скрывал от III отделения своей вражды к воспитателю цесаревича, но жаловался, что его «гонят и преследуют сильные ныне при Дворе люди: Жуковский и Алексей Перовский¹» – так писал он А.Х. Бенкендорфу 25 января 1830 года [19, с. 381–382]. Вероятно, не без стараний Булгарина на исходе того года имя Жуковского попало в процитированный прежде отчет III отделения.

¹ Перовский Алексей Алексеевич (1787–1836) – действительный статский советник, с 1826 года по 20 марта 1830 года – попечитель Харьковского учебного округа, член Комитета по устройству учебных заведений, писатель, выступавший под псевдонимом Антоний Погорельский, в 1830 году участвовал в «Литературной газете» А.А. Дельвига и Пушкина.

Добавим, что вторая половина 1830 года стала временем особых потрясений. Жизнь русского общества всколыхнули известия об Июльской революции во Франции, затем – о Сентябрьской революции в Бельгии и, наконец, Ноябрьском восстании в Польше. В этих условиях любые намеки на распространение революционных идей могли быть восприняты как обвинения в тяжких преступлениях. Характерно, что при этом ведомство Бенкендорфа не видело опасности зреющего в Царстве Польском мятежа. За два с половиной года до него оно сетовало на «бесконечные преследования польского национализма, который окрашивают в самые отвратительные цвета карбонаризма» [23, с. 26]. А в отчете за 1829 год III отделение убеждало царя: «Русские в Варшаве позволяют себе часто критиковать Государя Императора и окружающих его лиц» [23, с. 46]. Получается, что наиболее подозрительной частью населения столицы Царства Польского, Бенкендорф считал русских. И это менее чем за год до восстания!

Еще в первые месяцы 1830 года Жуковский, как указывает Н.В. Самовер, «начал чувствовать охлаждение и даже враждебность со стороны Николая» [33, с. 91]. Тогда он обратился к императору с письмом, в котором объяснял, что его «чернят враги литературные» и попросил о личной встрече. 1 апреля, когда она состоялась, Жуковский записал в дневнике: «Это свидание было не объяснение, а род головной боли, в которой мне нельзя было поместить почти ни одного слова; <...> мне сказано было, почему я подал повод многим называть меня главою партии» [33, с. 92]. Жуковский рассказывал о Николае I: «Вместо того, чтобы отвечать, кто обвинил меня, в чем и в каких литературных сплетнях, Он сказал, что меня вообще винят по связям моим» [33, с. 95]. Тем не менее наставник наследника догадывался как минимум о двух ключевых участниках интриги, поэтому тут же заметил в дневнике: «Не могу покорить себя ни Булгариным, ни даже Бенкендорфу...» [33, с. 95].

Полускрытая борьба с Жуковским на том не прекратилась. Это видно и по дошедшему до нас черновику обзора, который готовил фон Фок около середины 1830 года. В нем утверждалось: «...Литераторы, замеченные в антимоноархическом направлении и в духе отрицания, сплотились в союз под руководством Жуковского и князя Вяземского. Их перья никогда ни слова не написали в пользу правительства и, когда несколько новых адептов сделали попытку сочинить оды во славу последней кампании, они их высмеяли и не пропустили в печать». В той же записке сообщалось, что члены этой «партии» преследуют Н.А. Полевого, который «совершенно изменил тон», и прежде «окружали вниманием» Булгарина и Греча, чтобы «завладеть ими», но вынужденно отступили и теперь станут «создавать им настоящие неприятности до тех пор, пока они будут писать в правительственном духе» [30, с. 487].

Характерно, что в той же записке сообщалось о большой партии «недовольных, мечтающих о перемене образа правления в России», и далее пояснялось: «Одни волнуются в политическом смысле, другие облачаются плащом так называемого патриотизма» [30, с. 488]. Надо признать, Николай I с большим вниманием относился к подобным заявлениям. Он помнил, что именно любовью к отечеству многие декабристы объясняли на следствии свое вступление в тайное общество [34, с. 111; 35, с. 208]¹. Император так же не забывал, что в заговоре участвовали представители лучших дворянских фамилий, а прежде в результате дворянских переворотов были убиты его отец и дед. Поэтому он сознательно использовал преданных лично ему остзейцев как противовес русскому дворянству.

Новая коллизия между императором и Жуковским произошла спустя два года, когда в 1832 году на втором номере было прекращено издание журнала «Европеец», актив-

¹ Рассматривая воззрения декабристов, К.Ю. Рогов утверждает: «Присутствие иностранцев на государственной службе выступает одним из коренных признаков “деспотической” императорской власти (и эту практику категорически запрещали все главные конституционные проекты декабристов), которой противопоставлена идея национальной государственности и национального единства» [34, с. 110].

ным участником которого являлся Жуковский. Он обратился к Бенкендорфу и Николаю I с письмами, в которых объяснял, что редактор журнала И.В. Киреевский оказался жертвой ложных обвинений (в последние десятилетия С.В. Березкина показала, что причиной закрытия «Европейца» стали вызвавшие возмущение III отделения резкие суждения Киреевского об «иностранцах», которые «родились в России, воспитаны в полурусских обычаях, образованы также поверхностно и отличаются от коренных жителей только своим незнанием русского языка и иностранным окончанием фамилий» [36, с. 74–75; см. 37; 38]). При личном разговоре Жуковский заявил Николаю I, что прекрасно знает Киреевского и ручается за него. Однако услышал в ответ: «А за тебя кто поручится!» [39, с. 10]. После этого оскорбленный поэт прервал свои занятия с наследником, и не возобновлял их, пока императрица не сумела примирить его с императором.

IV

В апреле 1832 года, вскоре после истории с запрещением «Европейца», товарищем министра народного просвещения был назначен недавний противник Шишкова С.С. Уваров, а спустя 11 месяцев он стал исправляющим должность министра. Уже в этом качестве он явился инициатором издания «Ученых записок Императорского Московского университета», в которых появился ряд важных для него статей, таких как работы М.П. Погодина «Взгляд на русскую историю» и В.С. Межевича «О народности в жизни и поэзии».

Еще в 1832 году Уваров задумал создать «Журнал Министерства народного просвещения», однако к его выпуску он приступил лишь с 1834 года. Именно здесь впервые публично прозвучала известная «уваровская формула», а представления о народности, раскрывали на страницах журнала П.А. Плетнев, М.П. Погодин, С.П. Шевырев и др. Журнал этот, как отмечают Р.Х. Галиуллина и К.А. Ильина, «стал органом довольно четко сформулированного государственного дискурса не только “русского университета”, но и национальной науки». Более того, «появлению концепта “русская наука” мы обязаны целенаправленным усилиям министерства Уварова и его журнала» [40, с. 19]. Разумеется, «русская наука» не понималась в примитивно толкуемом националистическом смысле. Те же авторы подчеркивают, что в «Журнале Министерства народного просвещения» печатались, к примеру, присланные из Казани «статьи немцев, поляков, иранцев» [40, с. 16].

С 1834 года стали выходить также «Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом». По замыслу министра, журналы этого типа представляли «своего рода отчет каждого университетского сообщества о текущей исследовательской работе и о вкладе в развитие национальной науки» [40, с. 40]. Как пишут Р.Х. Галиуллина и К.А. Ильина, «Для представителей целого ряда дисциплин они стали возможностью иметь право голоса, независимо от Академии наук» (где десятилетиями была сильна «немецкая партия»). Как пример тому эти авторы приводят статьи Н.И. Лобачевского по неевклидовой геометрии (1835–1838 и 1853–1855): «Известно, что академики агрессивно восприняли изобретение казанского ученого и вряд ли бы допустили его к публикации» [40, с. 37].

В это же время Уваров стал укреплять популярность еще одного издания, подконтрольного ему в силу занимаемого им поста президента Академии наук – принадлежавших Академии «Санкт-Петербургских ведомостей». С 1836 года их редактором (а с 1847 года и издателем) стал подчиненный Уварова-министра секретарь правления Санкт-Петербургского университета А.Н. Очкин, в 1841 году вступивший еще и на службу цензором. Редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» стремился превратить их в серьезного конкурента «Северной пчеле», поэтому в 1839 году заявил о высоких гонорарах, которые готов выплачивать литераторам, участвующим в его газете. И это, конечно, сыграло свою роль [41, с. 119–123].

Однако Уварову для продвижения его идей нужны были неофициальные издания, включающие в себя публицистику и литературную критику. Поэтому он привлек на свою сторону издания Н.И. Надеждина – журнал «Телескоп» и газету «Молва» и способствовал появлению новых, лояльных к нему журналов: в 1835 году – «Московского наблюдателя», а в 1841-м – «Москвитянина» и др. В них не только велась полемика с изданиями Булгарина и Греча, но и помещались рассуждения об особенностях русской народности, о путях развития национального сознания. Примером чему – статья Надеждина «Европеизм и народность, в отношении к русской словесности». Автор ее рассуждал о русском просвещении, «основания и формы» которого пересоздавались заботами «мудрого, благотельного правительства» [42, с. 10]. При этом он мельком поминал «немецкое тяжелое дышло» и «враждебную неметчину» [43, с. 208, 241–242].

Характерно, что Уваров, представляя Николаю I прошение об издании журнала «Московский наблюдатель», прямо заявил о потребности в «повременном издании, которое могло бы служить некоторым противодействием петербургским периодическим сочинениям, находящимся почти в одних руках и сделавшимся чрез то как бы монополией немногих лиц» [44, л. 8 об.]. Понятно, что такой монополией обладали именно издания, подконтрольные III отделению¹. Такого министр народного просвещения не позволял себе ни до, ни после. Однако в то время Уваров считал свое положение при дворе весьма прочным. И, действительно, император на его докладе наложил резолюцию: «Согласен» [44, л. 8].

Одновременно Уваров намечает и осуществляет программу реформ в сфере образования. Согласно с ней ограничивают и ставят под контроль деятельность частных учителей из иностранцев. На территории упраздненного в 1832 году Виленского учебного округа (включавшего шесть западных губерний), где прежде обучение велось только на польском языке, его переводят на русский. В Киеве в 1834 году открывается университет Святого Владимира, где обучение идет на русском языке. Затем Уваров занялся реформированием учебных заведений Прибалтийских губерний. Здесь цели были скромнее: не перевести все преподавание на русский, а всего лишь добиться знания русского языка у профессоров и студентов округа. И не сразу, а за несколько лет.

Тем не менее реформа образования в Западном крае и, еще более, – в Остзейских губерниях вызвала отпор немецкого дворянства (во втором случае гораздо более организованный). Местных дворян поддерживала «немецкая партия» в Санкт-Петербурге. К примеру, протесты предводителей балтийского дворянства были переданы Николаю I в 1839 году именно через активно поддерживавшего их Бенкендорфа. И император пошел им навстречу, отсрочив до конца 1845 года введение правил, требующих от студентов знания русского языка [46, с. 129].

III отделение стремилось доказать неэффективность и даже вредность мер, принятых Уваровым в Западном крае и Остзейских губерниях, и тем самым скомпрометировать самого министра. Первые, еще осторожные выпады в адрес Уварова появились в отчете ведомства Бенкендорфа императору в 1838 году. На следующий год (когда управляющим III отделением, а значит и составителем отчетов стал Л.В. Дубельт) нападки на него заметно усилились: «Уваров старается единственно о том, чтобы наделать более шуму и накрыть каждое дело блистательным лаком. Отчеты его превосходно написаны,

¹ Ситуацию, сложившуюся в журналистике середины 1830-х годов, В.Ф. Одоевский позднее описывал таким образом: «Намекнуть о монополии “Северной Пчелы” на политические новости и ежедневный выход считалось делом самым предосудительным. В это время “Библиотека для чтения”, “Сын Отечества” и “Северная Пчела”, братски соединенные, держали в блокаде всё, что им не потворствовало, и всякое издание, осмеливавшееся не принадлежать к этой фаланге, хлестали в три... конца. <...> вообще борьба была неравная, ибо тогда считалось делом обыкновенным наводить на противника подозрение в неблагонамеренности, вольнодумстве и прочих т.п. вещах...» [45, с. 47].

но не пользуются ни малейшею доверенностью» [23, с. 210]. В том же духе говорилось о деятельности министра народного просвещения и в отчете за 1843 год. [23, с. 333–334].

Еще прежде, в 1835 году, в четырех университетах были открыты кафедры истории и литературы славянских наречий. Что примечательно, Уваров и на научном поприще использовал тех, кто прежде проявил себя в борьбе с изданиями Булгарина и Греча. Например, бывшего редактора «Московского вестника» профессора М.П. Погодина и издателя альманаха «Денница» М.А. Максимовича, ставшего первым ректором Императорского университета Святого Владимира и позднее выпускавшего альманах «Киевлянин».

И для Министерства народного просвещения, и для III отделения удобным инструментом манипулирования прессой являлась цензура, функциями которой они обладали по закону. Так, Уваров в 1834 году добился запрещения журнала «Московский телеграф» [31], а в 1838 году выходившей в Риге на немецком языке газеты “*Provinzialblatt für Kur-, Liv- und Esthland*” [47; 5, с. 325–330].

В свою очередь III отделение в 1836 году убедило императора в необходимости закрыть издания Надеждина. Поводом для этого использовали публикацию первого «Философического письма» П.Я. Чаадаева. Надеждин напечатал этот своего рода прозападнический манифест, чтобы, как подчеркивает А.И. Миллер, вступить с ним в полемику в следующем номере [48, с. 201]. Узнал ли об этом Бенкендорф или нет, у него уже было достаточно мотивов, чтобы избавиться от надеждинских изданий [см. 49, с. 208–209].

III отделение взяло под свой контроль редактируемый О.И. Сенковским журнал «Библиотека для чтения» и обеспечило переход в руки А.А. Краевского газеты «Литературные приложения к “Русскому инвалиду”» (соредактором которой стал адъютант Л.В. Дубельта В.А. Владиславлев), а затем – журнала «Отечественные записки». Среди пайщиков этого издания были В.А. Владиславлев и сотрудник III отделения Б.А. Враский [25, с. 343; 50, с. 494], и, конечно, здесь печатались статьи, инспирированные этим ведомством.

С октября 1839 года постоянным сотрудником «Отечественных записок» стал Белинский. Пятью годами ранее в надеждинской «Молве» он, рассуждая о народности, восклицал: «Да! у нас скоро будет свое русское, народное просвещение; мы скоро докажем, что не имеем нужды в чуждой умственной опеке». И далее, пусть и не называя по имени, он восхвалял Уварова, который явился в Московский университет, «указывать путь к просвещению в духе православия, самодержавия и народности...» [51, с. 103]. Теперь же, в 1839 году, Белинский заявлял, что «наша народность» есть «безусловное повиновение царской власти», и далее убеждал: «...наше русское народное сознание вполне выражается и вполне исчерпывается словом “царь”, в отношении к которому “отечество” есть понятие подчиненное, следствие причины» [52, с. 247]. Разумеется, такая логика полностью соответствовала интересам Дубельта и Бенкендорфа и была внушена «неистовому Виссариону» не без стараний их подчиненных (подробнее о связи публициста с III отделением см. [25, с. 343–348; 53, с. 98–105]).

Обращение ведомства Бенкендорфа с близкими к нему журналистами, более всего соответствует тому, что называется патрон-клиентскими отношениями, то есть долговременными неформальными контактами, основанными на обмене услугами между людьми с неравными социальными статусами и обладающими неравными ресурсами власти.

И здесь самым ярким примером служат отношения «высшей полиции» с Булгариным. Хорошо известно, что для ведомства Бенкендорфа редактор «Северной пчелы» и «Сына отечества» нередко составлял информационные записки, обзоры новостей и слухов (при этом, как мы видели, он выискивал возможности нанести ущерб своим конкурентам и литературным противникам). Хотя бы изредка начальник III отделения пользовался рекомендациями Булгарина при подборе сотрудников. Так, когда Бенкендорфу понадобился «польский секретарь», именно по его совету он взял на службу Л.В. Ордынского [54, с. 447].

Однако самое главное – Булгарин поддерживал в своих изданиях необходимый III отделению курс: готовил заказанные этим ведомством публикации или отправлял на согласование статьи, нуждавшиеся в его одобрении.

В ответ Бенкендорф порой мог позволить Булгарину такие привилегии, на которые не рассчитывали другие подопечные ему журналисты. Например, в марте 1828 года наместник Царства Польского великий князь Константин Павлович, обратившись в III отделение, выражал тревогу из-за того, что ссыльный поэт А. Мицкевич был с благосклонностью принят во многих петербургских домах. Тогда Бенкендорф позволил редактору «Северной пчелы» подготовить ответ, который бы успокоил великого князя. Пикантность ситуации усиливало то, что это известие Константин Павлович почерпнул из частного письма М. Малиновского, без ведома того опубликованного в варшавской газете, а сам его автор, бывший член общества филаретов, в это время жил на квартире Булгарина [55, с. 18–19].

Неформальные отношения предполагали покровительство, выходящее за пределы, предусмотренные законом. Так, в декабре 1839 года после того как соредакторы «Северной пчелы» получили от Уварова отказ на просьбу о разрешении в их газете частных объявлений, Булгарин передал Дубельту неофициальное (как специально он подчеркнул) письмо. Напомнив, что прежде Бенкендорф обещал ему и Гречу «много доброго», автор письма настаивал: «...каждая газета имеет свое начальство, а “Пчела”, по личному нам объявлению графа Александра Христофоровича находится в его непосредственном ведении, а потому он один и может сделать об ней представление Государю Императору» [19, с. 456].

Особые отношения III отделения и «Северной пчелы» не были секретом для общества. И поэтому с жалобами на ее редакторов часто обращались не в цензуру, а к покровителю газеты, имевшему реальную власть над изданием. Так поступали, к примеру, и военный министр граф А.И. Чернышев, и зубной врач А. Вагенгейм, в 1840 году жаловавшиеся Бенкендорфу на конкретные публикации «Северной пчелы» [56, л. 49, 52–53]. Точно также в декабре 1843 года был вынужден поступить и Уваров. Столкнувшись с вызывающим поведением «Северной пчелы», министр, вместо того чтобы воспользоваться своим законным правом и наказать издателя нелюбимой им газеты, обратился в неофициальном письме к Бенкендорфу с жалобой на его клиента [56, л. 52]. Тем самым и министр признавал власть III отделения над этим изданием.

Хотя основой отношений патроната и клиенты традиционно считаются именно личные контакты и связи, Булгарин и после смерти Бенкендорфа в 1844 году более или менее успешно развивал отношения с его преемником на посту начальника III отделения графом А.Ф. Орловым. Издатель «Северной пчелы» был обязан этим управляющему III отделением Дубельту. Тот сам выступал в качестве патрона Булгарина, а в отношениях с Орловым служил для него посредником. Так, 23 апреля 1848 года Булгарин жаловался Дубельту, что «Граф Уваров избрал для “Сев[ерной] Пчелы” цензора, которого он сам отставил от профессорства и назвал *идиотом* (Крылова) и дал формальное приказание строжайше наблюдать за “Северною пчелою” <...>. Уваров поклялся уничтожить “Северную пчелу”» [19, с. 564–565].

Однако, что характерно, тем же самым числом датировано письмо Булгарина к Орлову (наверняка переданное ему через Дубельта). В нем он восклицает: «“Северная пчела” – сирота. Власть министерская устремлена не ко благу ее. А по духу, в котором наша газета издается, именно для направления общего мнения на истинный путь, “Северная пчела” принадлежит Вам, Сиятельный граф! Будьте ее покровителем и осчастливьте душою преданных Вам издателей...» [19, с. 566]. Излагая свою просьбу, Булгарин добавлял: «...как всем другим газетам разрешено печатание прибавлений *без сношений* с графом Уваровым, а по представлению начальства, так и “Северной пчеле” может быть

разрешено только по представлению Вашего Сиятельства, которого мы признаем *нашим непосредственным начальником*, ибо покойный граф Бенкендорф объявил нам это от Высочайшего Имени, еще в 1826 году» [19, с. 567].

Булгарин здесь явно переусердствовал. Если Бенкендорф и объявлял ему что-то в 1826 году, так не то, что Орлов – его непосредственный начальник, а подчинение «Северной пчелы» цензуре Министерства народного просвещения на общих основаниях с прочими частными газетами было подтверждено Николаем I в декабре 1843 года [19, с. 459].

Подобные, хотя и не столь обильные примеры патрон-клиентских отношений мы видим и с другой стороны. Так, Погодин, в сентябре 1840 года готовясь к изданию журнала «Москвитянин», сообщал М.А. Максимовичу: «Журнал – под покровительством Сергея Семеновича, который все есть лучший двигатель и ревнитель русского просвещения» [57, с. 25]. А в декабре того же года, рассказывая В.И. Далю о своих отношениях с Уваровым, Погодин добавлял: «Я буду посылать ему даже коррек<туры> частным образом» [58, с. 303].

Яркий пример обращения клиента к патрону-Уварову представляет письмо В.Ф. Одоевского, который в июле 1844 года готовил выпуск первых трех частей своего собрания сочинений. Понимая, что они станут мишенью для нападков «Северной пчелы» и «Библиотеки для чтения», он написал Уварову: «Позвольте мне на сей раз обратиться к вашему высокопревосходительству не как к министру, но как к русскому литератору и дворянину», – и далее, изложив обстоятельства дела, князь просил «принять под особое покровительство» его сочинения – «сочинения честного человека и дворянина» [59, с. 53–54]. Вероятно, выражение «русский литератор и дворянин» здесь употреблено отнюдь не случайно, так же как в конце письма автор не случайно назвал Уварова «древним русским боярином». Прося министра о покровительстве, князь подчеркивал свою солидарность с ним в противостоянии с «немецкой партией» и свое отношение к Уварову как служивого дворянина к боярину (или как клиента к патрону).

Ответ министра был более завуалирован. Он писал: «Давать наперед официальное предписание насчет будущих разборов сочинений одного отдельного писателя было бы неудобно, и даже неблагоприятно для самого сочинителя; несмотря на то, внимание цензоров, по моему распоряжению, будет обращено на обстоятельства, о которых вы упоминаете в вашем письме» [60, с. 57]. Суть этого пространного пассажа можно перевести так: «Теперь вы мой клиент, и негласно я дам необходимые указания».

Во второй половине 1840-х годов, когда репутация Уварова в глазах монарха была поколеблена, он уже не предпринимал активных действий, а скорее отбивал атаки противников, пока не оказался вынужден подать в отставку. В последний год службы Уварова враги, не стесняясь, высмеивали его знаменитую триаду, (которая, заметим, никогда не являлась символом общегосударственной идеологии и провозглашалась лишь в подведомственных и покровительствуемых министром изданиях [см. 61, с. 32; 62]). Однако наиболее ловкие противники министра и народности (то есть национально-го сознания) не смеялись над ней, а представляли ее как путь к... революции. Именно в таком духе рассуждал Д.П. Бутурлин¹ и о том же печатно заявлял Булгарин. Впрочем, поскольку Уваров еще был министром, делал он это несколько завуалировано, утверждая, что рассуждения о народности, сдобренные патриотическими идеями, ведут к тайным обществам и революциям. И чтобы читатели не забыли имя главного поборника народности в России, за несколько абзацев до того он с напускным пиететом указал на «глубокомысленное сочинение графа Сергея Семеновича Уварова» [64, с. 754–755].

¹ По свидетельству П.В. Анненкова, с началом «мрачного семилетия» Бутурлин стал заявлять, что уваровская триада «есть просто-напросто революционная формула» [63, с. 523].

И когда в 1856 году иезуит кн. И.С. Гагарин утверждал, что «под пышными словами: *православие, самодержавие, народность*» скрыто «не иное что, как революционная идея XIX века в восточном покрое» [65, с. 85], он лишь использовал прием, прежде опробованный такими противниками уваровской триады как Бутурлин и Булгарин.

V

Если не ограничивать свое внимание лишь уваровской триадой, мы обнаружим, что в последующие десятилетия обвинение в революционности как универсальный прием часто применяли в борьбе элит, когда нужно было скомпрометировать национально ориентированных деятелей или целое направление.

То же самое средство использовалось весной революционного 1848 года против двух других николаевских министров. А.С. Хомяков, который зиму и часть весны этого года провел в столице, рассказывал в одном из писем: «Появилась карикатура, в которой на облаках был изображен Пугачев, благословляющий обеими руками Киселева и Перовского, которые стоят на земле, с подписью: “Благодарю, ребята, вы мне славно послужили”. К<нязь> Меншиков ее поднес государю. Вообще для него настала масленица: никогда с таким барышом он не промышлял поставкою остроумия ко двору, как теперь, и г<раф> Кис<елев> был главным предметом его нападения. Его советовали послать на Кавказ, и никто не будет разорять аулов лучше его, разорившего всю Россию» [66, с. 116].

Здесь, скорее всего, речь идет не о нескольких ходящих по рукам комических рисунках, а об организованной кампании. Да и судя по свидетельствам современников, распространяемые карикатуры имели несколько вариантов. Еще об одном, замеченном в Москве, сообщал Дубельту Булгарин: «...идет тень Пугачева, опираясь одной рукою на плечо Перовского, а другою на плечо Киселева» [19, с. 563]. В третьем, отмеченном в воспоминаниях генерала А.Э. Циммермана, Киселев, видимо, отождествлялся с Пугачевым [67, л. 65].

Чем министр внутренних дел Л.А. Перовский и министр государственных имуществ граф П.Д. Киселев вызвали такую реакцию столичной аристократии и московских дворян? Подсказку находим в том же письме Хомякова: «Все нападения были устремлены по преимуществу на мысль об освобождении крестьян, потому отчасти, что в эту зиму эта мысль была в большем, противу прежнего, ходу» [66, с. 117].

Именно в министерствах Л.А. Перовского и Киселева разрабатывались меры, направленные к улучшению положения крестьян. Один из проектов Перовский даже назвал «Об уничтожении крепостного состояния в России» (впрочем, реальное уничтожение представлялось в нем лишь как отдаленная цель). В Министерстве же государственных имуществ такие меры не только разрабатывались, но и внедрялись: подготовленная под руководством Киселева реформа улучшила положение подведомственных его министерству государственных крестьян и одновременно повысила собираемые с них налоги.

Не забудем, что Л.А. Перовский – брат того самого А.А. Перовского, которого так желал скомпрометировать перед III отделением Булгарин (а их единокровная сестра с 1810 года являлась женой Уварова). Если в приведенном письме к Дубельту Булгарин отзывался о Л.А. Перовском только с уважением (как-никак особо приближенный к императору человек), то министра государственных имуществ он стремился очернить: «Киселев, противу своей воли и желания, произвел много зла, беспрерывными обнародованиями правил французской конституции 1791 года *le droit de l'homme*¹, а на деле разорением

¹ Права человека (фр.).

в пух госуд[арственных] крестьян». И в том же письме он сообщал: «В городе повторяют разные *bon-mots*¹ князя Меншикова: “Нам не страшен коммунизм, а страшен киселизм”» [19, с. 562].

По словам А.П. Заблоцкого-Десятовского, вражда морского министра светл. кн. А.С. Меншикова к Киселеву возникла после того как в 1841 году тот познакомился с запиской «О крепостном состоянии в России», подготовленной по заданию министра государственных имуществ. Автором ее был сам Заблоцкий-Десятовский. Хотя он и признавал, что крестьянская реформа не получит поддержки дворянства, но убеждал в необходимости ее проведения [68, с. 291–293].

Добавим: еще до того, как стать министром, в 1835 году, Киселев вошел в Секретный комитет, созданный императором для обсуждения проектов отмены крепостного права. Спустя два года он возглавил разработку реформы управления государственными крестьянами. На первом же ее этапе, в начале 1838 года, было создано Министерство государственных имуществ, а сама реформа успешно завершена в 1841 году.

В распоряжении этого министерства имелось два периодических издания. Первое, «Земледельческая газета», было создано в середине 1834 года по решению министра финансов Е.Ф. Канкрин. С того момента газетой официально руководил директор – остзеец Е.А. Энгельгардт, вторым ее редактором числился его зять, А.Ф. Остен-Сакен, а переводчиком – друг, В. Лангер. Однако значительную часть работ по редакции с самого начала нес редактор С.М. Усов (действительный студент, затем адъютант, позднее экстраординарный профессор). При этом Энгельгардт, получавший жалование в полтора раза более Усова [69, с. 3], решал за счет газеты и свои собственные проблемы. Позднее Греч рассказывал о порядках в редакции: «Работу всю отправлял редактор Степан Михайлович Усов, а Энгельгардт под предлогом изучения земледелия, выписывал себе на казенный счет журналы о садоводстве» [54, с. 248–249].

Влияние Энгельгардта выразилось и в том, что многие сотрудники газеты оказались «из среды прибалтийских хозяев» и «более половины частных корреспонденций за первое полугодие было переведено с немецкого» [69, с. 10]. И неудивительно, что в издании постоянно описывались достижения остзейских помещиков [70, с. 37]². Как отмечает Л.А. Ключковская, в первые десять лет издания в число его авторов входили 16 баронов (только у Фалькерзама опубликовано 7 статей, у А. Бодде – 15, у Ф. Унгерн-Штенберга – 34), еще 12 авторов имели дворянскую приставку «фон» (среди них самые активные К.Г. фон Майдель и Г. фон Гагемейстер, у которых вышло 13 и 12 публикаций соответственно). Наконец как минимум дважды в газете печатался сам Е.Ф. Канкрин [70, с. 63].

В 1838 году, после того как на основе бывшего департамента Министерства финансов было создано Министерство государственных имуществ, газета, имевшая к тому времени почти 5 тысяч подписчиков, перешла в ведение Киселева (при этом Энгельгардт продолжал числиться ее директором). Министр государственных имуществ, судя по всему, не относился к газете министерства с ее на две трети немецкой редакцией как к своему надежному инструменту. Однако ему было важно исторгнуть это издание из-под влияния Канкрин.

¹ Остроты (*фр.*).

² Констатируя это, Л.А. Ключковская, пишет: «Развитию сельского хозяйства в прибалтийских губерниях способствовали также особые меры правительства: частичное освобождение крестьян от крепостной зависимости, предоставление им личной свободы без земли» [70, с. 54–55]. Однако осуществленное без земли «освобождение крестьян» обернулось превращением их в дешевую рабочую силу. Делалось это в 1816–1819 годах именно в интересах остзейских дворян и привело к беспросветной эксплуатации крестьян Эстляндии, Лифляндии и Курляндии.

Газета продолжала помещать публикации по различным вопросам ведения и организации сельского хозяйства. Вспоминая 1840-е годы, славянофил А.И. Кошелев говорил о «Земледельческой газете», что «она слыла либеральной и по-тогдашнему была действительно таковою по милости покровительствовавшего ей министра государственных имуществ Киселева» [71, с. 48]. Именно по этой причине Кошелев в ноябре 1847 года направил в ее редакцию статью «Охота пуще неволи», в которой убеждал помещиков «освобождать дворовых людей, заключая с ними условия». Хотя и со «значительными урезками», ее напечатали [71, с. 48]. Да и позднее на страницах этой газеты продолжали затрагивать вопросы вольнонаемного труда.

Киселев главным образом делал ставку на другое официальное издание, которое начало выходить с 1841 года (то есть именно с года завершения его реформы) – «Журнал Министерства государственных имуществ». Он готовился под редакцией зятя Киселева и его ближайшего помощника в деле реформы, экономиста и статистика А.П. Заблоцкого-Десятовского. Сын М.С. Усова, Павел, позднее заявлял, что министр «не благосклонно» относился к газете, редактируемой его отцом: «Все интересные сведения, все поступавшие в министерство ученые исследования и статьи передавались в журнал, а не в газету» [72, с. 121]. В 1853 году журнал и газета были объединены под общей редакцией, которую возглавил А.П. Заблоцкий-Десятовский. Тогда издание покинули 78-летний Энгельгардт и Усов. Обновленная «Земледельческая газета» в значительной степени была переориентирована на крестьянскую аудиторию [70, с. 33].

Использовал ли Киселев «Журнал Министерства народного просвещения» в борьбе с пруссаками и каким именно образом – вопрос, который до сих пор остается неисследованным.

VI

По-иному складывались отношения с журналистикой и литературой у Л.А. Перовского. Служивший при нем чиновником по особым поручениям П.И. Мельников (писатель Андрей Печерский) вспоминал: «Перовский любил окружать себя пишущими людьми, сознавал и открыто высказывал, что каждому истинно просвещенному министру так поступать необходимо. Без просьб, без ходатайств переводил он молодых людей, заявивших чем-нибудь себя в науке или литературе, из губерний в министерство, назначая их на места, которых тщетно добивались кандидаты с сильными протекциями» [73, с. 34–35].

В министерстве Перовского служили, например, литераторы гр. А.К. Толстой, И.С. Тургенев, гр. В.А. Сологуб, М.Н. Лонгинов, а также владеющие пером ученые: востоковеды В.В. Григорьев и П.С. Савельев, этнографы И.П. Сахаров и А.В. Терещенко, статистик А.И. Артемьев и археолог гр. А.С. Уваров.

Редактором «Журнала Министерства народного просвещения» с 1842 года являлся Н.И. Надеждин. Он преобразовал это издание и регулярно помещал в нем публикации, посвященные культуре, истории, этнографии России. Причем одновременно нес службу и как чиновник по особым поручениям. Когда по ходатайству Перовского в 1845 года было учреждено Русское географическое общество, в него вместе с большим числом сотрудников Министерства внутренних дел вступил и Надеждин. Он стал редактором «Записок Русского географического общества» и других его изданий. Однако прежде чем это произошло, необходимо было выдержать борьбу за направление исследований, которая возникла в обществе между «русской» и «немецкой» партиями. И Надеждин проявил себя одним из активных сторонников русского направления [74, с. 166–174; 75, с. 181, 183].

Спустя годы Мельников-Печерский вспоминал: «Даль и Надеждин вели самые важные дела в министерстве под личным руководством самого министра» [73, с. 36]. В.И. Даль

был, пожалуй, самым близким к Л.А. Перовскому сотрудником. Еще во время учебы в Дерптском университете он познакомился с Жуковским. «Дружба с Жуковским, – рассказывал Мельников-Печерский, – сделала Даля другом Пушкина, сблизила его с Воейковым, Языковым, Анною Зонтаг (рождённая Юшкова¹), Дельвигом, Крыловым, Гоголем, кн[язем] Одоевским, с братьями Перовскими» [73, с. 23]. Осенью 1832 года он был ненадолго арестован III отделением из-за сборника «Русские сказки из предания народного изусного...», в котором увидели насмешки над правительством. Потом он служил в Оренбургском крае при военном губернаторе В.А. Перовском, а в 1841 году вернулся в столицу, стал секретарем Л.А. Перовского, получил должность чиновника особых поручений, а затем – управляющего Особенной канцелярией при министерстве. В нее министр внутренних дел передавал секретные и наиболее важные для него дела. Например, по исследованию положения старообрядцев (в том числе заграничных) и сектантов, которыми занимались, в частности, И.С. Аксаков, Н.И. Надеждин, В.А. Сологуб и П.И. Мельников-Печерский, а сам Даль вместе с А.В. Головниным и И.С. Тургеневым готовил ту самую записку «Об уничтожении крепостного состояния в России». В.А. Шкерин уверен, что «свою Особенную канцелярию Лев Перовский создал в противовес III отделению собственной его императорского величества канцелярии» [76, с. 88]. Это утверждение выглядит довольно убедительно в свете воспоминаний современника, в ту пору штабс-капитана Генерального штаба П.А. Кузьмина, который объяснял: «В течение нескольких лет шла борьба Перовского против Орлова, яко шефа жандармов, и в этой борьбе Перовский доказывал, что вся полиция должна сосредоточиться в Министерстве внутренних дел» [77, с. 317].

Когда в 1848 году недруги Уварова добились учреждения негласного комитета, получившего название «Бутурлинского», или «Комитета 2 апреля», по сути ставшего цензурой над цензурой², они развернули охоту за любыми публикациями, которые могли бы продемонстрировать бездействие уваровских цензоров. Одной из мишеней для них оказался рассказ Даля «Ворожейка», опубликованный в десятом номере журнала «Москвитянин». В нем описывалась история доверчивой крестьянки, которую обворовала заезжая цыганка. Заканчивая повествование, автор обронил: «...заявили начальству – тем, разумеется, дело кончилось» [78, с. 45]. В Бутурлинском комитете нашли в этом намек «на обычное будто бы бездействие начальства», который «ни в каком случае не следовало пропускать в печать» [79, с. 287].

Вот как описывал последующие события Никитенко в дневнике 1 декабря 1848 года: «Бутурлин отнесся к министру внутренних дел с запросом, не тот ли это самый Даль, который служит у него в министерстве? [20, с. 312–313]. Дальнейшее автор дневника передавал таким образом: «Бутурлин представил дело государю в следующем виде: что хотя Даль своим рассказом и вселяет в публику недоверие к начальству, но, по-видимому, делает это без злого умысла, и так как сочинение его вообще не представляет в себе ничего вредного, то он, Бутурлин, полагал бы сделать автору замечание, а цензору выговор. Последовала резолюция: “сделать и автору выговор, тем более что и он служит”» [20, с. 313].

Очевидно, слухи, пересказанные Никитенко, изначально были запущены теми, кто стремился представить Бутурлина лишь невольным виновником «высочайшего выговора».

¹ Зонтаг Анна Петровна (1785–1864) – прозаик, переводчица, племянница В.А. Жуковского, тетья И.В. Киреевского.

² Среди влиятельных противников Уварова были Д.П. Бутурлин и барон М.А. Корф, оба стремившиеся занять пост министра народного просвещения. Хомяков о событиях начала 1848 года рассказывал: «Нападения многих на У<варова> с одною и тою же целию помогли ему усидеть на месте, и вместо того, чтобы прямо сменить его и передать министерство другому, образован был Цензурный комитет под председательством Меншикова», однако «доклад Меншикова спас Уварова» [66, с. 114]. Поэтому 2 апреля был учрежден новый, на сей раз постоянный комитет под председательством Бутурлина, одним из членов которого стал Корф.

Невольным тем более, что он сначала якобы не знал – «тот ли это самый Даль» или нет. Почти в такой же интерпретации описывает эту историю и Корф в дневнике за 24 ноября. Стоит, однако, добавить: он как раз из тех авторов записок, что, будучи весьма информированными свидетелями, непременно сдабривают их рассуждениями и рассказами для «истории», то есть направленными на оправдание себя и своей версии произошедшего.

Однако в его изложении заслуживают внимания два важных обстоятельства. Во-первых, Корф прекрасно знал, кто автор рассказа: «На днях, однако, мы должны были привести к ответственности известного нашего литератора Даля, стяжавшего себе довольно громкую славу под псевдонимом “Казака Луганского”». И далее автор дневника поясняет (разумеется, не для себя, а для «истории»): «Пройдя все возможные поприща, быв и моряком, и врачом, и аллопатом, и гомеопатом, служив и в Оренбурге и Бог знает где, он, наконец, попал в секретари к Перовскому, по званию товарища министра уделов, но в этой должности приобретаю всю его доверенность, употребляется им и по всем делам Министерства Внутренних дел» [80, л. 295].

Во-вторых, у Корфа резолюция Николая I передана с большими подробностями: «...если обязанность каждого верноподданного охранять и поддерживать доверие и уважение к правительству, то тем более это долг состоящего при одном из высших правительственных лиц доверенного чиновника» [80, л. 295 об.]. Таким образом, получается: Даль именно потому и получил выговор императора, что он не рядовой беллетрист, а высокопоставленный чиновник, едва ли не второе лицо в министерстве.

Вероятно, в этой ситуации Корф и Бутурлин стремились, что называется, одним выстрелом поразить две цели: уязвить Уварова и Л.А. Перовского. Ведь рассказ появился в журнале, подконтрольном министру народного просвещения, и пропустил его подчиненный ему цензор. А министр внутренних дел должен быть ответствен за своего верного помощника.

После этого Даль вынужден был признать: в борьбе с министром он оказался в положении заложника, и любое его неосторожное печатное выражение будет использовано им обоим во вред. Это он и имел в виду, когда 18 декабря говорил в письме Погодину (который и сам оказался таким же «заложником» из-за Уварова): «Времена шатки, береги шапки: тяжело будет вам теперь издавать журнал... боюсь даже, что бросите. <...> разумеется, что я теперь уже более печатать ничего не стану, покуда не изменятся обстоятельства» [79, с. 288]. И, действительно, Погодин еще 15 июля 1848 года записал в своем «Дневнике»: «Приехал Крылов и напугал известием о петербургском духе. Национальное направление-де есть самое опасное. Уже не бросить ли журнал и замолчать» [79, с. 285]¹.

В том, как история с далевской «Ворожейкой» была передана бывшему цензору Никитенко, есть еще одна особенность: распространявший ее не только стремился обелить Бутурлина, но еще более – представить в невыгодном свете министра внутренних дел: «Перовский призвал к себе Даля, выговорил ему за то, что дескать, охота тебе писать что-нибудь, кроме бумаг по службе, и в заключение предложил ему на выбор любое: “писать – так не служить; служить – так не писать”» [20, с. 313].

В советское время исследователи с готовностью принимали эту версию за чистую монету. Однако характерно, что сам Даль, рассказывая Мельникову-Печерскому о событиях 1848 года, об этом эпизоде (который должен был быть для него весьма важен) никак не упомянул. Зато поведал другую историю, которая в пересказе его собеседника выглядит

¹ Н.П. Барсуков, цитируя эти слова, полагал, что Погодин имел в виду профессора Московского университета Н.И. Крылова (1808–1879). Однако нельзя исключить, что здесь шла речь о петербуржце, бывшем профессоре-историке А.Л. Крылове (1798–1853). В этом случае свидетельство приобретает особый смысл: тот служил цензором Санкт-Петербургского цензурного комитета и в Статистическом отделении Министерства внутренних дел, то есть хорошо знал настроения, распространенные в обоих ведомствах.

таким образом: «В 1848 году граф Перовский, находившийся тогда в сильной борьбе с графами Орловым и Нессельроде, сказал однажды Далю: “До меня дошли слухи, которые могут быть истолкованы в дурную сторону... Что у вас за собрания по четвергам и какие записки вы пишете?” Владимир Иванович с полной откровенностью рассказал все графу Перовскому, которому записки были вполне известны; он все их читал и даже многое сообщал Далю для их дополнений. Министр удовольствовался объяснением, но сказал: “Надобно быть осторожнее”. С того дня четверги прекратились, а драгоценные записки погибли в камине. Впоследствии Даль часто жалел об утрате этих драгоценных материалов для нашей истории тридцатых и сороковых годов, но всегда прибавлял: “В то тяжёлое время поступить иначе мне было нельзя, я должен был беречь не себя, а министра; у него тогда было много врагов, стремившихся устранить его от государственной деятельности. Попадись тогда мои записки в недобрые руки, их непременно сделали бы пунктом обвинения Льва Алексеевича”» [73, с. 38–39].

Подчеркнем: в этой ситуации министр не ставил своего помощника перед тяжелым выбором, и сам Даль был чрезвычайно обеспокоен тем, чтобы не навредить Перовскому. Также, вероятно, было и в истории с «Ворожейкой»: разговор с министром из-за нее наверняка имел место, но Перовский не требовал от Даля прекратить занятия литературой. И Даль их не прекращал, а лишь приостановил публикацию своих произведений. Как указал В.И. Порудоминский: «Через год примерно Даль, успокоясь, пошлет рассказы свои и в “Москвитянин”, и в “Отечественные записки”, и в “Современник”» [81, с. 284].

Однако прежде чем это произойдет, обремененный большой семьей Даль избавится от положения заложника. Он оставил Особенную канцелярию и переехал на службу управляющим удельной конторой в Нижний Новгород. Как свидетельствовал Мельников-Печерский, после этого Л.А. Перовский не изменил своего отношения к бывшему помощнику и поддерживал с ним переписку. «...Граф Лев Алексеевич, – вспоминал Мельников-Печерский, – постоянно выражал сердечную скорбь свою о том, что лишился в Дале самого дельного чиновника в министерстве и самого преданного ему человека. “Таких сотрудников, как вы, до вас у меня не было, да и не будет”, – писал он однажды Далю» [73, с. 39].

Более ярко, даже контрастно, противостояние национального и космополитического направлений проявилось в истории с двумя другими сотрудниками министерства Л.А. Перовского, которая началась еще ранее описанных событий.

В середине 1840-х годов Министерство внутренних дел, заручившись поддержкой императора, подняло вопрос о необходимости реформ в остзейских губерниях, где порядки, устроенные в интересах немецких дворян, обеспечивали им положение государства в государстве. Как раз в это время на службу в Министерство поступил молодой славянофил Ю.Ф. Самарин (домашним педагогом которого когда-то был Надеждин). В июле 1846 года его направили в Ригу в качестве чиновника особых поручений, прикомандированного к ревизионной комиссии. Ей надлежало изучать текущее положение города и составить проект преобразования его устройства и хозяйственной деятельности.

То, что молодой чиновник увидел в Лифляндии и соседних губерниях, не могло его не возмутить. Местные законы де-факто получили приоритет над законами империи, в результате чего «остзейское рыцарство» по сравнению с русскими дворянами составляло, по словам Самарина, «как бы аристократию, занимающую высшую степень» [82, с. 77]. Еще большее неравноправие поддерживалось среди других сословий: «Граждане составляют едва ли треть городских обывателей» при этом «обыватели, не граждане, обречены на самую жалкую жизнь». Не граждане, к примеру, не могли выбирать присяжных. «Большинство граждан, – констатировал Самарин, – состоит из немцев; большинство обывателей – из русских, латышей и жидов; граждане живут в городах, обыватели в предместьях» [82, с. 112].

Самарин видел и тяжелое положение лифляндских крестьян, которые «под предлогом оказанного благодеяния», то есть отмены крепостного права в 1819 году, были лишены земли и превратились в батраков [82, с. 90].

Однако за те два года, что молодой чиновник провел в Риге, ситуация в столице изменилась. Под давлением придворной «немецкой партии» Николай I отказался от проведения реформ в остзейских губерниях. Как знак того в феврале 1848 года был назначен новый генерал-губернатор этого края. Им стал светл. князь А.А. Суворов. Внук прославленного полководца в свои ранние годы воспитывался в иезуитском пансионе, затем учился во Франции, Швейцарии, окончил Геттингенский университет и оказался верным защитником привилегий немецких баронов.

Сознавая, что попытки реформировать положение в Прибалтийских губерниях провалило «всеобщее, систематическое сопротивление» немецких дворян [82, с. 63], Самарин решился представить свои идеи в цикле статей «Письма из Риги». Во время работы над ними он писал К.С. Аксакову: «Систематическое угнетение русских немцами, ежедневное оскорбление русской народности в лице немногих ее представителей – вот что теперь волнует во мне кровь, и я тружусь для того только, чтобы привести этот факт к сознанию, выставить его перед всеми» [83, с. 294]. Вернувшись в Санкт-Петербург, а затем в Москву, Самарин читал рукопись «Писем из Риги» в некоторых близких ему домах и распространил в нескольких списках, один из которых передал Л.А. Перовскому¹. Среди читателей его рукописи были В.А. Перовский, Киселев², бывший генерал-губернатор края, а теперь член Государственного совета Е.А. Головин и несколько крупных министерских чиновников [84, с. LXXXV]. Под впечатлением самаринской рукописи Л.А. Перовский решил представить ее в сокращенном и отредактированном виде императору.

Враждебная «партия» опередила его. Вот как спустя годы описывал логику ее деятельности Д.Ф. Самарин: «...в последнее время в Петербурге партия антинемецкая начала усиливаться опасными сторонниками. В Остзейском комитете дела шли уже далеко не так ладно, как прежде; Перовский и Киселев составляли в нем оппозицию, с которою нелегко было справляться. Но в особенности дурно было то, что в Министерстве внутренних дел стала проявляться вредная замашка разоблачать и выводить на чистую воду то, что в остзейских порядках должно было навсегда оставаться тайною. Всему этому надобно было положить конец; для достижения этой цели всего лучше было нанести удар Ю[рию] Ф[едоровичу], чтобы другим неповадно было следовать его примеру» [84, с. LXXIV]. Копию «Писем из Риги» передал императору Суворов и, разумеется, с самыми недобрыми комментариями. После этого, Николай I вызвал к себе Л.А. Перовского и через него потребовал от Самарина объяснений допущенного в «Письмах» разглашения «канцелярских тайн». Позднее тот рассказывал отцу: «Перовский обнаружил ко мне искреннее участие, дал мне советы, как сочинить ответ и пр., так что он, я не сомневаюсь, сделал все, что может» [84, с. LXXXI].

Тем не менее противники Самарина сумели раздуть скандал и добились того, чтобы автора отправили в Петропавловскую крепость. Оказавшемуся в тюремной камере

¹ Руководитель комиссии, в составе которой Самарин работал в Риге, Я.В. Ханьков сообщал ему 15 августа 1848 года о переданных министру «Письмах», что они «прочтены были от доски до доски» и «произвели на него то впечатление, которое должны были производить, т.е. чрезвычайно сильное» [84, с. LII].

² Ханьков 16 сентября 1848 года рассказывал Самарину о реакции на «Письма»: «...даже Киселев, к соблазну всех своих окружающих, прочел собственными глазами 120 листов и, к изумлению М., не верившего своим ушам, объявил, что тут все истина, верно, даже чрезвычайно умеренно, что желательно довести это до Государя, но для сего нужно первоначально представить лишь образчик, а именно 1 и 6 письмо, которые в особенности понравились Киселеву, остальные же поднести лишь по Высочайшему востребованию и во всяком случае сжать и сократить» [84, с. LVII]. В 1889 году Д.Ф. Самарин утверждал, что Киселев «должен был, несомненно, сочувствовать взгляду славянофилов на крестьянское дело и на сельскую общину» [84, с. CXVIII].

29-летнему чиновнику министр послал через своего секретаря книги и ходатайствовал перед комендантом крепости об облегчении для него условий [84, с. LXXXVII–LXXXVIII]. Свое участие проявил к узнику и В.А. Перовский.

Через 12 дней Самарина доставили к Николаю I, и тот отчитывал его: «...вы поднимали общественное мнение против правительства; это готовилось повторение 14 декабря» [84, с. XCII]. После встречи с императором автора «Писем из Риги» освободили. Однако в тот же самый день был арестован другой чиновник по особым поручениям при Л.А. Перовском и тоже славянофил – И.С. Аксаков. III отделению не удалось доказать принадлежность его и Самарина к тайному заговору, но активность славянофилов была на несколько лет нейтрализована.

Как раз предыдущие два года явились временем становления Самарина как публициста и критика: в «Московском литературном и ученом сборнике» (1846 года) и в «Москвитянине» (1847. № 2) увидели свет его первые крупные статьи. Кстати, в том же «Московском сборнике» был напечатан рассказ Даля, а будущий яркий публицист И.С. Аксаков пока помещал в славянофильских изданиях лишь стихи.

Работа по дискредитации славянофилов была начата III отделением до того, как в 1845–1847 годах появились их первые периодические издания. И уже в 1847 году высшая полиция попыталась представить их императору как тайную организацию (для чего и было раздуто дело Кирилло-Мефодиевского общества), но малоуспешно. Однако это не мешало графу Орлову откровенно докладывать императору, что благодаря его ведомству «в “Отечественных записках” помещено несколько весьма умных и сильных выражений против славянофилов», и более того: «Краевский поощрен к продолжению помещения в его журнале статей в опровержение славянофильских бредней» [85, л. 101, 102]. В итоге в оставшиеся восемь лет правления Николая I в свет вышел только один славянофильский сборник, а сами славянофилы оказались под пристальным надзором III отделения.

Следующие несколько лет Самарин провел на службе в провинции – в Симбирске и Киеве. Еще в июле 1849 года Ханьков передавал ему в письме слова Перовского, который «во всякое время будет рад принять» Самарина «опять под непосредственное свое начальство, – и добавлял, – когда вы сами того пожелаете и представится к сему возможность» [84, с. CXXVII]. И, заметим, министр не требовал от него, как в истории, рассказанной Никитенко, «писать – так не служить; служить – так не писать». Это еще раз заставляет усомниться в ее достоверности. Впрочем, некоторые исследователи полагают, что именно так Перовский вскоре поступил с другим славянофилом – И.С. Аксаковым.

В ноябре 1850 года министр обратился к И.С. Аксакову, находившемуся в длительной командировке в Ярославской губернии, с вопросами о его поэме «Бродяга». И.С. Аксаков воспринял такой запрос чрезвычайно болезненно и направил министру ответ, который не мог его не задеть¹. После этого Перовский уже не лично, а через директора департамента заявил, что «не требовал совершенного прекращения» литературных занятий Аксакова [86, с. 472]. Однако тот подал прошение об отставке и в апреле 1851 года оставил службу.

В предыдущие десятилетия исследователи рассматривали эту коллизию как бесцеремонное вторжение высокопоставленного чиновника в сферу литературного творчества [см., напр., 87, с. 30; 88, с. 105] (один автор, рассказывая об этом, назвал бездетного Л.А. Перовского «отец террористки Перовской» [89, с. 32]). При этом игнорировался тот факт, что Аксаков находился под полицейским надзором, то есть по сравнению с положением Даля в конце 1848 года, его ситуация была еще сложнее.

¹ Вскоре кн. А.В. Оболенский передал И.С. Аксакову реакцию его отца: «Сергей Тимофеевич решительно не мирится с письмом твоим к министру, он обвиняет тебя в написании оногo. – Бумага, вызвавшая от тебя это письмо, понимается им иначе, чем понимаешь ты ее» [86, с. 631].

И у Л.А. Перовского были основания – на случай вмешательства в дело III отделения – стремиться получить формальное свидетельство того, что он провел со своим чиновником необходимую «профилактическую работу» и убедился в безвредности его произведения.

Ясно, что в той ситуации И.С. Аксаков, в отличие от Даля, не стал вникать в положение министра. Однако спустя около двух лет, когда благодаря мерам, принятым III отделением, он все острее стал ощущать невозможность активной общественнополезной деятельности, И.С. Аксаков захотел было вернуться на службу. Причем именно на службу к Л.А. Перовскому. Сохранилось написанное его рукой обращение к министру, в котором он признавал, что к отставке привела его «неуместная запальчивость» [90, с. 214]. Письмо это традиционно считается неотправленным по назначению [90, с. 214]. Так это или нет (отсылая важные для него письма, Аксаков сохранял у себя их копии), но на службу он, действительно, не вернулся, а вот отношения с Л.А. Перовским у него были восстановлены. Примером чему то, что в 1854 году, когда Аксаков пытался вступить в действующую армию (в итоге он поступил в Серпуховскую дружину Московского ополчения), за выяснением формальных условий он обратился именно к Перовскому [86, с. 263]. Очевидно, без восстановления нормальных отношений между ними такое было бы невозможно. И более того, чтобы получить подобную справку, Аксакову вовсе не обязательно было обращаться к министру. Значит, произошедший инцидент был исчерпан. Исчерпан потому, что Аксаков понял: министр в 1849 году не покушался на его творчество, а проявил осторожность, вызванную внешними обстоятельствами.

VII

1850-е годы знают немного примеров столкновений внутри российской элиты из-за национально ориентированных изданий. Причина этого в том, что в конце правления Николая I борьба с такими изданиями и их потенциальными покровителями приобрела самый жесткий характер. И произошедшая в 1855 году смена власти не означала моментальной смены элит.

Процесс перемен в прессе и в окружении императора начался, но шел медленно. Новый журнал славянофилов «Русская беседа» стал выходить с апреля 1856 года. И тогда же во главе Министерства иностранных дел был назначен князь А.М. Горчаков. Директором Азиатского департамента он поставил Ег.П. Ковалевского. Именно этот департамент занимался контактами со славянскими народами, живущими за пределами России. И его новый руководитель считал, что развитие и поддержание отношений со славянами отвечает интересам страны.

В январе 1858 года к Ег.П. Ковалевскому обратился И.С. Аксаков, который тогда стал неофициальным редактором «Русской беседы». Он решил создать еженедельную газету «Парус», и устроить при редакциях журнала и газеты «славянскую контору», которая занималась бы развитием культурных контактов, обменом информацией со славянскими народами. Заручившись поддержкой директора департамента, И.С. Аксаков через Московский цензурный комитет передал прошение о новой газете министру народного просвещения А.С. Норову. Тот готов был отказать, но товарищ министра П.А. Вяземский предложил «оставить дело без отрицательного ответа и под красным сукном до удобнейшего времени» [91, с. 761]. Не прошло и месяца как министром народного просвещения был назначен Ев.П. Ковалевский, брат директора Азиатского департамента. Он ходатайствовал перед Александром II о возвращении И.С. Аксакову редакторских прав (которых тот был лишен после пресеченной цензурой попытки издания «Московского сборника на 1853 год») и разрешил ему выпускать новую газету.

И.С. Аксаков замыслил «Парус» как крупное издание с корреспонденциями из славянских земель и других стран Европы. Для него создавалась сеть контор, через которые русская газета распространялась бы, в частности, в Праге, Лейпциге и Брюсселе (об этом И.С. Аксакову докладывал П.И. Бартенев во время своей заграничной поездки [92, л. 1–3 об.]).

Однако после выхода в январе 1859 года двух первых номеров газеты начальник и управляющий III отделения кн. В.А. Долгоруков и А.Е. Тимашев представили императору «Парус» в самом неблагоприятном свете. Обсуждалась возможность предания ее редактора суду и ссылке [93, с. 339–340]. В итоге вопрос о газете вынесли на внеочередное заседание Главного управления цензуры, которое признало «неблагоденными» четыре публикации «Паруса» (включая обе написанные редактором передовые и статью М.П. Погодина «Прошедший год в русской истории»). Несмотря на возражения Министерства иностранных дел, газета была прекращена. Сделано это было не из-за четырех «неблагоденных» статей, а из-за стремления «немецкой партии» лишить славянофилов мощного инструмента влияния на зарубежных славян. В первую очередь – подданных Австро-Венгрии, где к тому моменту газета «Парус» уже была официально запрещена к ввозу.

В следующие два десятилетия русская журналистика пережила существенные метаморфозы. Изменения отразились во многих аспектах ее деятельности: разнообразии типов изданий и росте тиражей, расширении содержания, где все более и более активно проявляла себя политическая составляющая, капитализации прессы, которая в умелых руках стала прибыльным товаром. Наконец – в появлении большого числа официальных и официозных изданий.

Официоз – частное издание, вступившее в негласную сделку с государственным учреждением или деятелем и в силу этого проводящее на своих страницах точку зрения данного учреждения или лица¹. Подчеркнем: именно отдельного ведомства, лица, а не правительства в целом. Потому что как не было единого правительства или кабинета министров в России до 1850-х годов, так не появилось его и позже, вплоть до 1905 года (когда первым премьер-министром стал гр. С.Ю. Витте).

Собственно, официозы существовали и прежде – вспомним хотя бы «Северную пчелу» и «Сына отечества» Булгарина и Греча, – но теперь это явление приобрело новые масштабы и получило необходимое определение. Среди первых, кто в 1860-х годах озаботился организацией надежных отношений с прессой, были министр внутренних дел П.А. Валуев и министр народного просвещения А.В. Головнин.

Вступив в должность министра, Валуев поспешил избавиться от когда-то преобразованного и руководимого Надеждиным «Журнала Министерства внутренних дел», а ему на смену создал официальную газету «Северная почта». Одновременно он превратил в свой официоз московскую газету «Наше время», а позднее, в 1880 году, по его инициативе была создана как официоз газета «Берег», которую помимо председателя Комитета министров Валуева поддерживали министр внутренних дел Л.С. Маков, начальник III отделения А.Р. Дрентельн и министр финансов С.А. Грейг. Добавим, что в 1879–1881 годах личным официозом Валуева являлась газета (затем журнал) «Отголоски».

Проведя в высших органах власти около двух десятков лет, Валуев постоянно выступал как союзник «немецкой партии» (он – сын немки, был включен в матрикулы Курляндии

¹ В.Г. Чернуха, подчеркивая, что «выяснение официозности издания – вопрос очень сложный», писала: «Проще всего было бы отнести к официозам издания, пользовавшиеся денежной поддержкой министерств. Однако, во-первых, казенная помощь издательству может иметь много других форм, ставящих газету или журнал в льготные условия <...>. Во-вторых, денежная поддержка может оказываться и изданию, существование которого по какой-либо причине признаётся в данный момент полезным, но с которым правительство не связывает намерений по использованию его в качестве собственного рупора» [94, с. 100, 99].

и Эстляндии, то есть обладал привилегиями остзейского дворянина), и одновременно – «польской партии» (о его вражде к усмирителю восстания М.Н. Муравьеву см. [95, с. 325, 428]). Наконец, долгие «партнерские» отношения связывали его с III отделением. Примером чему его активное участие в борьбе с редактируемыми И.С. Аксаковым газетами «День» и «Москва». Не случайно же в январе 1868 года, после приостановки цензурой «Москвы», Ф.И. Тютчев писал И.С. Аксакову: «...в русском обществе два ученья, два направления – русское и антирусское. При содействии существующего порядка, судьбе угодно было, в лице Валуева, поставить антирусское направление верховным и полновластным судьей всей мыслящей России, и как ни поразительно подобное безобразия, в самых высших сферах к нему относятся равнодушно» [96, с. 320].

Свою когорту официозов имел министр народного просвещения А.В. Головнин. Он, как и Валуев, в 1840-х годах служил в ведомстве Л.А. Перовского. И, если тот более десяти лет провел в Прибалтийском крае (в том числе под началом генерал-губернатора Суворова), то Головнин в то время проявил себя участием в деятельности Русского географического общества, где поддерживал «русскую партию».

Едва только приступив к управлению Министерством народного просвещения (в ведении которого тогда находилась цензура), Головнин начал заигрывать с самыми радикальными (и потому популярными) изданиями. Так, он по собственной инициативе отправился в редакцию журнала «Современник», чтобы познакомиться с ее редактором-издателем И.И. Панаевым. При этом, как вспоминала А.Я. Панаева, в передней редакции не оказалось лакея, который бы доложил о нем, и министр долго стоя ждал, пока на него обратят внимание и к нему выйдет редактор-издатель. Уже после этого Головнин попросил Панаева познакомить его с Н.Г. Чернышевским [97, с. 278].

Другой пример: в начале 1862 года И.С. Тургенев просил Герцена, чтобы тот в своей газете «Колокол» не нападал на Головнина. И вскоре пришло время ответных услуг: в апреле министр обнадежил петербургского издателя Д.Е. Кожанчикова, что выхлопочет ему разрешение на печать доэмигрантских произведений Герцена (помешало этому то, что вскоре сам Кожанчиков попал под следствие за связь с издателем «Колокола»). Затем, в мае, при обсуждении мер противодействия революционной пропаганде, Головнин настоял на отказе от вступления в систематическую полемику с изданиями Герцена [98, с. 97, 95]. Наконец, добавим, что Головнин, как писал Д.А. Милютин, проявил себя «сторонником примирительного образа действий относительно Польши и противодействовал возбуждению национального русского чувства» [95, с. 506].

В 1860-х годах Головнин использовал для публикации необходимых ему статей петербургские либеральные издания «Сын отечества» (с 1862 года это была ежедневная газета издателя-редактора А.В. Старчевского) и «Северная пчела» (в 1860–1864 годах принадлежала издателю-редактору П.С. Усову). Обе они имели преференции от его министерства [98, с. 104; 99, с. 136]. Однако наиболее эффективно действующим его официозом явилась газета А.А. Краевского «Голос».

До 1862 года этот журналист более десяти лет редактировал принадлежащую Академии наук в ту пору либеральную газету «Санкт-Петербургские ведомости» и не раз выражал готовность сделать ее официозом III отделения [94, с. 106] (что, однако не помешало ему в 1857 году посетить в Лондоне А.И. Герцена). Подобные планы уже всерьез обсуждались в 1862 году, но были разрушены вмешательством президента Академии наук гр. Д.Н. Блудова [94, с. 107].

Вот тогда Краевский и решил создать крупную ежедневную газету либерального направления. С начала ее издания в 1863 году в течение трех лет она являлась официозом министра народного просвещения Головнина, а также Валуева и министра финансов М.Х. Рейтерна. Позиция «Голоса» отчетливо проявилась во время Польского восстания,

когда национальные интересы отстаивали «Московские ведомости», редактируемые Катковым, и «Русский инвалид», официальное издание Военного министерства, а газета Краевского выступила их горячим «полонофильским» оппонентом [95, с. 252].

Еще до ухода Головнина с поста министра «Голос» лишился его финансовой поддержки. Спустя годы, в 1870-х, Краевский превратил свою газету в официоз министра иностранных дел А.М. Горчакова, а в 1880 году – в официоз министра внутренних дел гр. М.Т. Лорис-Меликова. Похожие метаморфозы переживала и приобретенная в 1876 году А.С. Сувориным газета «Новое время». Хотя и не сразу составившая себе репутацию консервативного издания, она тоже являлась рупором Лорис-Меликова, затем его преемника – гр. Н.П. Игнатъева, а еще позже – министра иностранных дел Н.К. Гирса.

Два последних издания заставляют вспомнить такую ситуацию: когда в 1880 году развернулось скрытое противостояние Валуева и Лорис-Меликова¹, первый использовал в этой борьбе почти никем не читаемый официоз «Отголоски», а второй привлек на свою сторону (возможно, даже без денежных вливаний) две крупнейшие в стране газеты, либеральный «Голос» и консервативное «Новое время». Победа – и на газетном поле, и в политической сфере – осталась за Лорис-Меликовым [101, с. 137–145].

Эпоха Александра II выдвинула как минимум несколько ярких и глубоких публицистов национального направления. Примером чему М.Н. Катков, имевший в своем распоряжении «Московские ведомости» и «Русский вестник», И.С. Аксаков, редактировавший «День», «Москву» и «Русь», Ю.Ф. Самарин, автор блестящих статей и цикла «Окраины России», или Ф.М. Достоевский с его «Дневником писателя». И ни один из них, подчеркнем, не вступал в патрон-клиентские отношения с властью преобладающими. Относится это и к редактору «Московских ведомостей», который, когда того требовало дело, заключал союзы с властными фигурами, а когда ситуация менялась, мог их и разорвать. Не случайно же Е.М. Феоктистов, рассказывая о Каткове, подчеркивал: «Правительство боялось его и вместе с тем заискивало в нем» [102, с. 91].

Однако нельзя сказать, что это же время создало плеяду министров или крупных государственных деятелей, которые бы целенаправленно и постоянно проводили национально ориентированную политику. Можно назвать лишь немногих высших представителей власти, вроде светл. кн. А.М. Горчакова (кстати, уроженца Эстляндии) или Д.А. и Н.А. Милютиных, которые время от времени действовали или пытались действовать в этом направлении (как, впрочем, было и с министрами николаевской эпохи). Причем их национально ориентированная позиция укрепляется в наших глазах во многом благодаря борьбе с ними противников из откровенно космополитического, антинационального лагеря. Примером тому – ситуация, сложившаяся с «Русским инвалидом» в апреле 1865 года. Эта направляемая военным министром Д.А. Милютиным газета вступила в полемику с изданиями, отстаивавшими интересы остзейских баронов. Но вынуждена была замолчать после указания императора, переданного министру начальником III отделения В.А. Долгоруковым [103, с. 147]. Как видно, на протяжении своей более чем полувековой истории это учреждение – кто бы ни стоял во главе его – отстаивало интересы антинациональных сил.

Государственных деятелей национального направления было бы, пожалуй, легче указать в правление следующего императора. Однако оно отмечено и первым, ранее небывалым примером – бескомпромиссной борьбой, развернувшейся между, казалось

¹ 10 апреля 1880 года И.С. Аксаков рассказывал о Лорис-Меликове в письме Г.П. Галагану: «Он окружен положительным заговором, с Валуевым во главе, чуть ли не всех министров (за исключением военного)» [100, с. 497]. Роль Лорис-Меликова как деятеля национального направления весьма спорна, однако отметим, что благодаря ему было упразднено III отделение и Аксаков получил разрешение издавать газету «Русь».

бы, близкими лагерями, поддержанными двумя патриотическими изданиями. Речь идет о столкновении вокруг идеи учреждения Земского собора. В 1882 году в схватке из-за нее сошлись министр внутренних гр. Н.П. Игнатьев и обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, опиравшиеся на газеты Аксакова и Каткова.

Надо признать, что доставшаяся нам еще от XIX века – от ученых, подобных А.Н. Пыпину, А.М. Скабичевскому и М.К. Лемке, – традиция представлять общественно-политическую борьбу как перманентное противостояние общества (интеллигенции) и власти во многом изжила себя. Тем более что власть при этом долгое время воспринималась как единый монолит, а любое явление в общественной сфере должно было соответствовать определению либерального, демократического (социалистического) или консервативного.

Однако такая перенятая у западной политической мысли классификация все чаще дает сбои. К примеру, в противостоянии С.С. Уварова и А.Х. Бенкендорфа или И.С. Аксакова и П.А. Валуева или Д.А. Милютина и В.А. Долгорукова кто был либералом, а кто консерватором? С помощью таких терминов сложнее всего описать именно национально ориентированные силы. Так, десятилетиями делятся споры о славянофилах – они либералы или консерваторы? Самые ярые противники еще недавно называли их реакционерами, а в XIX столетии, как мы убедились, наоборот – революционерами! Новые подходы неминуемо должны повлечь и новые дефиниции. И пока они не появились, нам не обойтись без двух простых терминов, которыми воспользовался Ф.И. Тютчев.

Литература

1. Из записной книжки Коленкура // Русский архив. 1908. Кн. 2. № 5. С. 5–39.
2. *Сироткин В.Г.* Русская пресса первой четверти XIX века на иностранных языках как исторический источник // История СССР. 1976. № 4. С. 77–97.
3. *Сироткин В.Г.* Наполеоновская «война перьев» против России // Новая и новейшая история. 1981. № 1. С. 137–152.
4. *Майофис М.Л.* Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 799 с.
5. История моих лифляндских периодических изданий: Очерк воспоминаний Гарлиба Меркеля / пер. Г.А. Фафурина; вступ. ст., публ. и коммент. Д.А. Бадаляна и Г.А. Фафурина // Цензура в России: история и современность: Сб. научных трудов. Вып. 10. Ч. 2: Публикации, обзоры, рецензии. СПб.: Российская национальная библиотека, 2021. С. 318–379.
6. *Предтеченский А.В.* Анатолий Васильевич Предтеченский: Из творческого наследия / сост. Т.Н. Жуковская и Л.М. Предтеченская. СПб.: Дмитрий Буланин. 1999. 436 с.
7. *Лапин В.В.* У них сгорел Вашингтон, у нас – Москва: Как война 1812 года изменила Россию и русскую нацию: интервью / В.В. Лапин, докт. ист. наук.; интервью брал А. Мозжухин [Электронный ресурс] // Лента.ру: Новостное интернет-издание. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2021/02/07/war/> (дата обращения: 14.03.2021).
8. *Орлов А.А.* Ланкастерские школы в России в начале XIX в. // Педагогика и психология образования. 2017. № 1. С. 11–20.
9. *Рылеев К.Ф.* Стихотворения; Статьи; Очерки; Докладные записки; Письма / ред., подг. текста и примеч. Ю.Г. Оксмана; вступ. ст. В.Г. Базанова. М.: Гослитиздат, Ленингр. отд-ние, 1956. 442 с.
10. *Готовцева А.Г., Киянская О.И.* Рылеев. М., 2013. 348 с.
11. *Лыщинская Д.П.* Журнал «Отечественные записки» П.П. Свинына в политическом контексте 1820-х гг. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2012. № 13 (93). С. 66–72.
12. *Проскурин О.А.* Первые «Отечественные записки», или О лжи и патриотизме // Отечественные записки. 2001. № 1. С. 270–278.
13. *Глинка С.Н.* Записки. М.: Захаров, 2004. 456 с.
14. *Комаровская Е.Л., Комаровский Е.Ф.* Воспоминания. М.: Захаров, 2003. 454 с.
15. *Киянская О.И.* Империя упущенных возможностей: К истории общественных настроений в России конца 1810 – начала 1820-х годов // Россия и современный мир. 2020. № 2 (107). С. 6–49.
16. К литературной и общественной истории. 1820–1830 годов / сообщ. В.Е. Якушкин // Русская старина. 1888. Т. 60. Кн. 11. С. 311–332.
17. *Левкович Я.Л.* Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А.Е. Измайлова

- к П.Л. Яковлеву // Пушкин: Исследования и материалы. 1978. Т. 8. С. 151–194.
18. *Сухомлинов Н.А.* Полевой и его журнал «Московский телеграф» / Н.А. Сухомлинов // Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 2. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1899. С. 367–431.
 19. [Булгарин Ф.В.] Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 711 с.
 20. *Никитенко А.В.* Дневник: в 3 т. / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. И.Я. Айзенштока. Т. 1. 1826–1857. [М.; Л.:] Гослитиздат, 1955. 542 с.
 21. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб.: Министерство народного просвещения, 1902. 785 с.
 22. *Лемке М.К.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг.: По подлинным делам Третьего Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 3-е изд. М.: Ленанд, 2014. 640 с.
 23. Россия под надзором: отчеты III отделения, 1827–1869 / сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М.: Российский фонд культуры, 2006. 703 с.
 24. *Патрушева Н.Г., Фут И.П.* Циркуляры цензурного ведомства Российской империи: сборник документов. СПб.: Российская национальная библиотека, 2016. 721 с.
 25. *Проскурин О.А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М.: ОГИ, 2000. 366 с.
 26. *Копелев Д.Н.* На службе Империи: Немцы и Российский флот в первой половине XIX века. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2010. 338 с.
 27. *Никитенко А.В.* Дневник: в 3 т. / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. И.Я. Айзенштока. Т. 2. 1858–1865. [М.; Л.:] Гослитиздат, 1955. 652 с.
 28. Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от рождества Христова 1827. Ч. 1. СПб.: При Императорской Академии наук, 1826. 1026 с.
 29. Месяцослов и общий штат Российской империи 1833. Ч. 1. СПб.: При Императорской Академии наук, 1833. Л., 800, X с.
 30. *Медведев М.М.* Грибоедов под следствием и надзором // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 60: Декабристы-литераторы. II. Кн. 1. С. 475–496.
 31. *Бадалян Д.А.* «Московский телеграф», «Литературная газета» и III отделение: скрытая механика покровительства и наказания [Электронный ресурс] // Философия: Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III. № 2. С. 128–157. Режим доступа: <https://philosophy.hse.ru/issue/view/805>
 32. *Дельвий А.И.* Полвека русской жизни. М.: Терра, Книжный клуб Книговек, 2015. 800 с.
 33. *Самовер Н.В.* «Не могу покорить себя ни Булгариным, ни даже Бенкендорфу...»: Диалог В.А. Жуковского с Николаем I в 1830 году // Лица: Биографический альманах. М.; СПб: Феникс; Atheneum, 1995. Т. 6. С. 87–119.
 34. *Рогов К.Ю.* Декабристы и «немцы» // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 105–126.
 35. *Мазур Н.Н.* Из истории формирования русской национальной идеологии (первая треть XIX в.) // «Цель непрерывного преданья...»: Сб. памяти А.Г. Тартаковского. М.: РГГУ, 2004. С. 196–250.
 36. *Киреевский И.В., Киреевский П.В.* Полн. собр. соч.: в 4 т. Т. 2 / сост., примеч. и коммент. А.Ф. Малышевского. Калуга: ИПЦ «Гриф», 2006. 368 с.
 37. *Березкина С.В.* Вокруг запрещения журнала «Европеец» // Временник Пушкинской комиссии: Сб. научных трудов. Вып. 29. СПб.: Наука, 2004. С. 226–248.
 38. *Березкина С.В.* «Немцы» против «Европейца» // Москва. 2009. № 3. С. 201–213.
 39. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1891. Кн. 4. 450 с.
 40. *Галиуллина Р.Х., Ильина К.А.* «Ученые записки» ученого сословия (первая половина XIX века). М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2012. 41 с.; [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2012/10/10/1247084916/WP6_2012_02_f.pdf
 41. *Венгеров С.А.* Ежедневная печать конца дореформенной эпохи // Сб. статей по истории и статистике русской периодической печати: 1703–1903. СПб.: Русское библиологическое об-во, 1903. С. 99–125.
 42. *Надеждин Н.И.* Европеизм и народность, в отношении к русской словесности // Телескоп. 1836. Ч. XXXI. № 1. С. 5–60.
 43. *Надеждин Н.И.* Европеизм и народность, в отношении к русской словесности (окончание) // Телескоп. 1836. Ч. XXXI. № 2. С. 203–264.
 44. Дело о дозволении титулярному советнику Андросову издавать журнал под названием «Московский наблюдатель». 1834 // РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 724.
 45. *Бычков И.А.* Бумаги князя В.Ф. Одоевского // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1884 год. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1887. Приложение 2-е. С. 1–65.
 46. *Шевченко М.М.* Записка 1841 года об Остзейском крае из архива графа С.С. Уварова // Величие и язвы Российской империи: Междунар. науч. сб. в честь 50-летия О.Р. Айрапетова / сост. В.Б. Каширин; редкол.: М.А. Колеров и др. авт. вступ. ст. А.В. Ганин. М.: Ретнум, 2012. С. 121–158.
 47. *Бадалян Д.А., Фафурин Г.А.* Министр народного просвещения С.С. Уваров и закрытие газеты «Provincialblatt für Kur-, Liv- und Esthland» // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. Т. 220. Книга в медиапространстве: вчера, сегодня, завтра: Материалы междунар. науч. конференции «XXI Смирдинские чтения», посвященной 100-летию со дня рождения И.Е. Баренбаума. 26–27 ноября 2020 г. Санкт-Петербург. СПб., 2020. С. 95–105.

48. *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 320 с.
49. *Бадалян Д.А.* С.С. Уваров и журнальная борьба 1830–1840-х годов // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 203–218.
50. *Ильин-Томич А.А.* Враский, Врасский Борис Алексеевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / редкол. П.А. Николаев и др. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 494.
51. *Белинский В.Г.* Литературные мечтания (Элегия в прозе) / В.Г. Белинский // Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 1: Статьи и рецензии. Художественные произведения. 1829–1835. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 20–104.
52. *Белинский В.Г.* Бородинская годовщина. В. Жуковского [...] Письмо из Бородина от безрукого к безному инвалиду [...] / В.Г. Белинский // Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 3: Статьи и рецензии. Пятидесятилетний дядюшка. 1839–1840. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 240–250.
53. *Бадалян Д.А.* В.Г. Белинский-публицист: метаморфозы в борьбе литературных партий // Русская публицистика: эволюция идей и форм: сб. статей / отв. ред. Л.П. Громова. СПб.: Алетей, 2021. С. 89–109.
54. *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.: Захаров, 2002. 463 с.
55. *Федута А.И.* Квартирант: Письма М. Малиновского И. Лелевелю / А.И. Федута // Письма прошедшего времени: Материалы к истории литературы и литературного быта Российской империи. Минск: Лимариус, 2009. С. 8–90.
56. «Северной пчеле» // ГАРФ. Ф. 109 (III отделение). Оп. 5. Д. 446. Ч. 6.
57. Письма М.П. Погодина к М.А. Максимовичу / с поясн. С.И. Пономарева. СПб.: Типогр. Имп. Академии наук, 1882. 143 с.
58. Переписка В.И. Даля и М.П. Погодина. Ч. 1 / публ. А.А. Ильина-Томича // Лица: Биографический альманах / ред.-сост. А.А. Ильин-Томич. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1993. Вып. 2. С. 287–288.
59. Письмо князя В.Ф. Одоевского к С.С. Уварову // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1892 год. СПб.: Синодальная типография, 1895. С. 53–55 (3-я паг.).
60. Письмо С.С. Уварова к князю В.Ф. Одоевскому // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1892 год. СПб.: Синодальная типография, 1895. С. 56–57 (3-я паг.).
61. *Казаков Н.И.* Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст-1989: Литературно-теоретические исследования / отв. А.В. Михайлов. М.: Наука, 1989. С. 5–41.
62. *Шевченко М.М.* «Официальной народности» теория // Большая Российская энциклопедия. Т. 24. М.: Большая Российская энциклопедия, 2014. С. 713–714.
63. *Анненков П.В.* Литературные воспоминания / вступ. ст. В.И. Кулешова; коммент. А.М. Долотовой и др. М.: Художественная литература, 1983. 694 с.
64. *Булгарин Ф.В.* Воспоминания. М.: Захаров, 2001. 782 с.
65. *Гагарин И.С.* Русский народ: О примирении Русской церкви с Римскою / пер. И. Мартынова, свящ. Братства Иисусова. Париж: А. Франк, 1858. 103 с.
66. *Хомяков А.С.* Политические письма 1848 г. / публ. и примеч. В.А. Кошелева // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 109–132.
67. *Циммерман А.Э.* Воспоминания. Ч. II // ОР РГБ. Ф. 325. Карт. 1. Ед. хр. 2.
68. *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время: Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. Т. 2: Ч. 1: Управление Министерством государственных имуществ; Ч. 2: Крестьянский вопрос. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. 356 с.
69. Краткий исторический обзор «Земледельческой газеты» за пятидесятилетие (с 1834 г. по 1884 г.): приложение к «Земледельческой газете». СПб.: Тип. Демакова, 1884. 30 с.
70. *Ключковская Л.А.* Степан Михайлович Усов – редактор «Земледельческой газеты» (1834–1852). М.: Факультет журналистики МГУ, 2012. 128 с.
71. [Кошелев А.И.] Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы) / изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 2002. 475 с.
72. Усов П.С. Каждому свое // Ключковская Л.А. Степан Михайлович Усов – редактор «Земледельческой газеты» (1834–1852). М.: Факультет журналистики МГУ, 2012. С. 119–125.
73. *Мельников П.И.* Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // В.И. Даль и Общество любителей российской словесности: Сб. / отв. ред. В.П. Нерознак; сост. Р.Н. Клеймёнова. СПб.: Златоуст, 2002. С. 5–66.
74. *Найт Н.* Наука, империя и народность: Этнография в Русском географическом обществе, 1845–1855 // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет / сост.: Пол В. Верт, П. Кабытов и др.; отв. ред. О. Леонтьева, М. Долбилов. М.: Новое изд-во, 2005. С. 155–198.
75. *Бадалян Д.А.* «Немецкие партии» в русской науке XIX столетия // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 175–192.
76. *Шкерин В.А.* «Поединок на шпионах»: Дело петрашевцев и политическая провокация в России. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. 242 с.
77. *Кузмин П.А.* Из записок // Первые русские социалисты: воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге / сост. Б.Ф. Егоров, науч. ред. С.С. Волк. Л.: Лениздат, 1984. С. 264–318.
78. *Даль В.И.* Ворожейка // Москвитянин. 1848. № 10. С. 38–45.
79. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1895. Кн. 9. XII, 498 с.
80. Дневник графа М.А. Корфа. 1848 // ГАРФ. Ф. 728 (Коллекция документов Рукописного отделения библиотеки Зимнего дворца). Оп. 1. Д. 1817. Ч. 11. 307 л.
81. *Порудоминский В.И.* Даль. М.: Молодая гвардия, 1971. 384 с.

82. *Самарин Ю.Ф.* Письма из Риги / Ю.Ф. Самарин // Собр. соч.: в 5 т. / под общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2016. Т. 3: Русское самосознание. С. 22–151.
83. *Самарин Ю.Ф.* Письма 1839–1876 гг. / Ю.Ф. Самарин // Собр. соч.: в 5 т. / под общ. ред. А.Н. Николюкина. СПб.: Росток, 2016. Т. 3: Русское самосознание. С. 239–578.
84. *Самарин Д.Ф.* Предисловие // *Самарин Ю.Ф.* Сочинения. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1889. Т. 7: Письма из Риги и История Риги. С. I–СXXXV.
85. Журнал докладов государю императору... // ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1847. Д. 81. Ч. 19.
86. *Аксаков И.С.* Письма к родным, 1849–1856 / изд. подгот. и примеч. сост. Т.Ф. Пирожкова. М.: Наука, 1994. 663 с.
87. *Ослова А.Л.* Аксаков Иван Сергеевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / редкол. П.А. Николаев и др. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 29–32.
88. *Пирожкова Т.Ф.* Славянофильская журналистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 220 с.
89. *Лебедев С.В.* Предисловие // *Аксаков И.С.* Наше знамя – русская народность / сост. и коммент. С. Лебедева. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 5–66.
90. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: Эпистолярный дневник 1836–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А.Ф. Аксаковой: в 3 т. М.: Русская книга, 2004. Т. 2: Письма 1849–1856. 576 с.
91. *Шаховской Н.В.* Годы службы Н.П. Гилярова-Платонова в Московском цензурном комитете. 1858-й год // Русское обозрение. 1897. Т. 47. Октябрь. С. 716–783.
92. *Бартнев П.И.* Письма Аксакову И.С. 1854–1879 // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 27.
93. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. Кн. 16. 602 с.
94. *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати 60–70-е годы XIX века. Л.: Наука, Ленинградское отд. 1989. 207 с.
95. *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1863–1864 / под ред. Л.Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2003. 686 с.
96. *Тютчев Ф.И.* Письма к московским публицистам / публ. К.В. Пигарева; предисл. и коммент. Л.Н. Кузиной // Литературное наследство. М.: Наука, 1988. Т. 97: Ф.И. Тютчев. Кн. 1. С. 258–430.
97. *Панаева А.Я.* Воспоминания / вступ. ст. К.И. Чуковского; примеч. Г.В. Краснова, Н.М. Фортунатова. М.: Правда, 1986. 508 с.
98. *Бадалян Д.А.* Журналист, общественное мнение и власть: издания М.Н. Каткова в «царских обозрениях» 1860–1866 годов // Тетради по консерватизму. 2018. № 3. С. 89–118.
99. *Сонина Е.С.* Петербургская универсальная газета конца XIX века. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004. 356 с.
100. Из писем И.С. Аксакова к Г.П. Галагану // Русский архив. 1902. № 7. С. 492–499.
101. *Бадалян Д.А.* М.Т. Лорис-Меликов в 1880 г.: борьба за влияние на прессу // Книжное дело в России в XIX – начале XX века: Сборник научных трудов. Вып. 16. СПб.: Российская национальная библиотека, 2012. С. 129–151.
102. *Феоктистов Е.М.* За кулисами политики и литературы // За кулисами политики / Е.М. Феоктистов. В.Д. Новицкий. Ф. Лир. М.Э. Клейнмихель / сост. А.А. Либерман. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 9–254.
103. [*Милютин Д.А.*] Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1865–1867 / под ред. Л.Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2005. 694 с.

Аннотация. В статье представлены основные этапы и некоторые эпизоды борьбы, протекавшей внутри правящей элиты в Российской империи с 1820-х по начало 1880-х годов. Объектом исследования является деятельность двух основных направлений (группировок) в российской политической элите – национально ориентированного и космополитического – в их противостоянии за контроль над периодической печатью и общественным мнением. Особо представлено участие в этой борьбе III отделения, С.С. Уварова и других руководителей Министерства народного просвещения, министра внутренних дел Л.А. Перовского и министра государственных имуществ П.Д. Киселева. Также рассмотрена роль в этой борьбе отдельных официальных и частных изданий, их редакторов и публицистов.

Ключевые слова: русская журналистика, история русской журналистики XIX века, история цензуры, цензура, «немецкая партия», политические элиты, III отделение, славянофилы.

Dmitrii A. Badalian, PhD in History; Senior Researcher, Rare Volumes Department, National Library of Russia (St. Petersburg), Associate Professor, Higher School of Journalism and Mass Communications, Saint-Petersburg State University. E-mail: dmit.bad@gmail.com

Elite Struggle and Journalism in Russia in the Period of Nation Building

Abstract. In the article the author presents the main stages and certain episodes of the struggle inside the ruling elite in the Russian Empire starting with 1820-ies and up to 1880-ies. The author studies the activity of the two main directions (groups) in Russian political elite, – nationally oriented and cosmopolitan ones, - who struggled for control over periodical press and public opinion. He pays special attention to the participation in this struggle of the III Section of His Majesty Imperial Chancellery, of S.S. Uvarov and other directors of the Ministry of National Education, of the Minister of Internal Affairs L.P. Perovsky and the Minister of State Property P.D. Kiselev. The author also examines the role in this struggle of certain official and private editions, their editors and publicists.

Keywords: Russian Journalism, the History of Russian Journalism of the 19th Century, History of Censorship, Censorship, "German Party", Political Elites, the Third Section of His Majesty Imperial Chancellery, Slavophiles.